

Милия
ГРИН

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

ПРИТВОРИСЬ

Моя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эмилия Грин

Притворись моим

<https://litres.ru/74433479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой бывший муж, я стала для тебя всего лишь игрушкой, которую ты сломал. Ты стал для меня целым миром... И даже не догадываешься, что уже почти два года я воспитываю нашу дочь...

Пташки - однотомик про сына Воронова и дочь Левицкого

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

93

Эмилия Грин

Притворись моим

POV Артем Апостолов

Три недели спустя

— Че там Паша? — Брат откинулся на спинку кресла, угрюмо всматриваясь в мое лицо.

Я вздохнул, сглатывая ком в горле. Год начался, конечно...

— Ничего хорошего. Я сегодня общался с его лечащим врачом... Пашка не хочет ни с кем видаться, но хотя бы не дерется. Целыми днями спит под транквилизаторами.

Еще несколько часов такого алко-нарко-трипа, и моего друга бы не откачали. Потравился он конкретно — только спустя неделю его перевели из реанимации в обычную палату.

— Ой, дурак! Тем, ты вообще понимаешь, что произошло? — стиснув челюсти, процедил Кирилл.

Поморщившись, я вспомнил, как нашел своего лучшего друга чуть живым второго января. Вот такое вот, блять, доброе утро! А ведь я реально подумал, что у него все потихоньку налаживается...

Тридцать первого днем мне позвонила Маша, сказала, что Левицкий объявился, и она едет к нему. Я решил, что Пашка успокоился: раз вышел на связь со своей женщиной, зна-

чит, все нормализуется. Не стал лезть к нему в душу, памятуя о собственных ощущениях после кончины бати. Это было пиздец как непросто. Хотя я знал о его диагнозе и всех вариантах неминуемого развития событий.

Последние дни мы провели вместе. Я держал отца за руку, когда он уходил. И даже меня, матерого мужика, в первое время после кончины отца накрывало. Крыша, которая и без того временами свистела, опасно накренилась. Мне понадобилась поездка в Японию в гордом одиночестве, чтобы найти в себе силы во второй раз принять его смерть и хоть немного вставить себе мозги на место.

А Пашка... Они ведь с отцом совсем недавно помирились. Поэтому я мог понять то неожиданное исчезновение Левицкого со всех радаров, и, в отличие от Маши, не спешил бить тревогу.

Бедка пришла, откуда не ждали.

Тем утром, когда я получил странное сообщение от Мышкиной, мы с Сашей и девочками ехали в аэропорт. Маша сообщила, что они больше не вместе, но попросила проверить Пашку, потому что не могла отделаться от нехорошего предчувствия...

Времени до рейса оставалось немного, и опаздывать на самолет из-за очередного загула этого придурка не хотелось. Однако мы не сумели до него дозвониться и вместе с Сашей, не на шутку расстроенной известием Маши, все-таки решили навестить Левицкого. Друг же, хоть и полное недоразуме-

ние!

Откровенно говоря, я был в бешенстве и развернул тачку с одним-единственным намерением — хорошенько ему вмазать. Может, хоть это привело бы этого мудака в чувство? Потому что, как бы Левицкий ни убивался — расстаться с Машей было самой хуевой идеей из всей той дичи, которую он когда-либо вытворял.

Это фиаско, дамы и господа!

Девчонка была ему будто Богом послана. То самое добро, сглаживающее углы его бесноватой души. Яркий источник света в темном царстве. Самое оно, чтобы наконец распрощаться с бурной молодостью.

Тем более, Роман Константинович сдержал обещание и успел передать все бразды правления Пашке. Он стал директором огромного промышленного предприятия, на котором работали сотни людей. Но вместо того, чтобы прокачивать свои скиллы, забил на все, накачавшись алкоголем и химозой.

Слабак, проебавший свою жизнь.

— Доктор еще что-то говорил? Когда его выпишут? — Кирюха резко вздернул подбородок.

— Говорил, — я вздохнул, — говорил, что во время припадков он все время зовет какую-то Мышку... И маму...

Кирюха покачал головой. А что тут скажешь?

Так уж вышло, что я знал от Левицкого-старшего некоторые щекотливые подробности, о которых не рассказывал да-

же брату.

После того, как Паша обнаружил свою мать мертвой и провел рядом с ней целую ночь, пытаясь откачать бездыханное тело, он практически перестал общаться с отцом, косвенно обвиняя того в ее смерти. Упрекал, что батя так увлекся своей политической карьерой, что проворонил пагубное увлечение жены наркотиками.

Константиныч как-то по пьяни признался мне, что подростком Пашка занимался селф-хармом и наносил себе увечья. Однажды, поймав сына за таким жутким занятием, он не на шутку испугался и закрыл его в больничке. Когда Пашке позволили вернуться на свободу, он разорвал практически все возможные контакты с отцом.

Я был в курсе, что товарищ рано ушел из дома. Таскался по друзьям, жил у каких-то баб. И постоянно попадал в неприятности, которые частенько заканчивались в отделении полиции.

Он не пропускал ни одной крупной вписки. Кстати, на одной из тусовок мы с Пашей и познакомились. Он был первым, кто принял меня, незнакомого нелюдимого чувака, и помог влиться в пафосную московскую тусовку.

Они с Константинычем годами были на ножах, ведь такое вызывающее поведение сына ой как мешало депутатской карьере. Пашкин батя был не только депутатом, но и одним из самых инициативных благотворителей страны. После смерти жены он даже организовал фонд для людей с наркозависимостью.

мостью, помогая им избавиться от страшного недуга. Он так больше и не женился, посвятив всего себя поддержке посторонних людей. Жаль он не смог помочь обрести душевный покой собственному сыну...

Я вновь вспомнил, как обнаружил практически бездыханное тело Пашки в спальне на втором этаже их семейного особняка. Сперва подумал, что не успел. Руки тряслись, когда проверял у него пульс...

Выжил, падла такая!

Это ж надо было проебать все здоровье! Вот че ему не живется?..

Две недели спустя

Я сидел на лавке возле частной психиатрической здравницы, дожидаясь нашего «буйного пациента».

К сожалению, лечащий врач Левицкого вынужден был констатировать, что ментальное здоровье Павлика оставляет желать лучшего, так как он отказался от дальнейшей реабилитации. Другими словами, возможны рецидивы. Тем не менее, они не имели права дольше удерживать его в клинике, ведь пациент пришел в себя и, можно сказать, оклемался. Только вот...

Я сглотнул, сосредотачивая рассеянный взгляд на мужчине, шаркающей походкой приближавшегося ко мне по заснеженной аллее. Я совершенно его не узнавал.

Это был... не Паша. Не мой лучший друг — легкомыслен-

ный балагур и весельчак. Тень человека. Живой труп. Похудел килограммов на десять, не меньше.

— Здорово, — глядя куда-то сквозь меня, он протянул руку и тяжело опустился рядом.

Его серые глаза будто выцвели за все эти дни. На осунувшемся бледном лице не было никакой мимики. Зато появились морщины. Ну охуеть «отдохнул»!

— Ты видел Машу? — первое, о чем спросил Левицкий. Я зло хохотнул, вспомнив о Маше.

— Не видел. Саша с Алиной заезжали к ней перед отъездом.

Паша озадаченно выгнул бровь, приподнимая уголки подрагивающих бескровных губ, но так ничего больше не спросил. Тогда я сам озвучил:

— Маша уехала к матери в Турцию. Она сказала, что не планирует возвращаться.

POV Павел Левицкий

Апостолов отвез меня в городскую квартиру, к счастью, не задавая лишних вопросов. Только смотрел на меня всю дорогу с таким нескрываемым отвращением, будто перед ним сидит самый токсичный отброс.

— Все так, Темыч. Все так, — усмехнулся я, глядя ему в глаза, когда мы вышли из тачки. — Да, я конченный.

— Реально, конченный слабак, — в ответ улыбнулся Артем.

— Глумись-глумись.

Подавшись вперед, я замахнулся, желая хорошенько ему вмазать. Хотя бы за Сашку! Сколько этот самоуверенный мудака попил у бедной девчонки крови? Вечно смотрит на всех свысока. Заебал. Кулаки давно чесались в направлении его лощеной морды.

Да только я переоценил свои жалкие силенки... От резкого взмаха перед глазами все поплыло, и на миг я потерял ориентацию в пространстве. И Апостолов оказался проворнее.

Я услышал неприятный хруст, когда его кулак угодил мне в лицо и моментально ощутил во рту привкус крови.

— Сука, думаешь, я буду относиться к тебе, как к слабаку? А хер тебе! — приподняв меня за грудки, взревел Артем и еще раз хорошенько мне вмазал.

Не удержавшись на дрожащих ногах, я упал на снег.

— Давай еще! Че так мало?! — отхаркивая кровь, прошептал я и с вызовом уставился другу в глаза. — Бей!

— Я думал, ты сдох, уро-о-од... — Темыч пнул меня ботинком под зад и присел рядом на корточки. Скривившись, он смотрел на меня с отвращением.

— И это все?! А ты знаешь, что, когда мы с Сашкой танцевали, я всю ее облапал? ХА-ХА!

Сверкнув глазами, Апостолов перестал себя сдерживать. На этот раз его тяжелые кулаки прилетели мне по ребрам. А следом — по почкам.

— Хорошо, что Сашка тебя послала. — Артем харкнул.
— Ты взял за нее ответственность и ни хуя не справился. Ты жизнь девчонке сломал!

— Все так, Темыч, все так... — хрипел я, захлебываясь кровью.

— Паша, живи теперь с этим!

Больше не глядя на меня, Апостолов прыгнул в тачку и агрессивно сорвался с места.

— Ну просто святоша! — заржал я ему вслед.

Я попытался подняться, но с трудом сумел оторвать голову от промерзшего асфальта. В голове крутились слова какой-то приставучей песни.

*Сто прекрасных принцесс
Готовы пасть за сокровища,
Умереть за сокровища,
И на шее перевернутый крест.
И все ради чудовища,
Все ради чудовища.*

*Сто бумажных сердец.
И готов на побоище,
И готов на побоище,
Но восьмое из чудес
Окажется чудовищем,
Окажется чудовищем.*

*Эй, доктор,
Мне так плохо,
Все как черно-белое кино,
Вокруг людей так много,
Но мне одиноко все равно.
Что бы ни делал, не поможет даже джин,
Не поможет даже денег стопка,
Не осталось души,
Научили гнать, но никто не сказал, где стоп-кнопка,
И даже дома чувствую себя чужим...¹*

Благодаря соседу спустя минут тридцать я все-таки оказался дома. Почти мгновенно почувствовал тремор в кончиках пальцев. Пульс ускорился. Горло болезненно сдавило.

Значит, пора глотать «колеса».

На случай внезапной панической атаки у меня теперь с собой всегда была аптечка, состоящая преимущественно из транквилизаторов, депрессантов и снотворного.

Не жизнь — веселуха!

Закинувшись лекарствами, я принял душ и по инерции приготовил себе обед из продуктов, заботливо оставленных домработницей. Следующие несколько часов прошли как в тумане. Я пытался занять себя хоть чем-то. Но вся моя жизнь теперь представлялась какой-то пустой, бестолковой шту-

¹ Песня «Шутка» исполнителя XOLIDAYBOY.

ковиной. В голове бесконечно проигрывались наполненные разочарованием слова Темыча.

«Маша уехала к матери в Турцию. Она сказала, что не планирует возвращаться».

Маша уехала...

Черт.

Черт!!!

А я так надеялся попросить прощения, глядя ей в глаза.

Пожалуй, ожидание этой последней встречи и помогло мне найти в себе силы вырваться из дурки. Прожить хотя бы несколько минут наедине с ней... И, возможно, устроить прощальный секс?

Вена на виске ритмично запульсировала, стоило подумать о том, как я натягиваю сладкую разгоряченную Машеньку на свой стояк. Трахал бы ее и трахал до потери сознания. Ночи напролет.

Псих недобитый.

Увы, факт оставался фактом. Я до сих пор жаждал эту девчонку. Как гребаное животное во время гона. Как конченный сумасшедший, коим, по сути, и являлся. И головой я понимал, что ей лучше бежать от меня как от чумы, но эгоистично продолжал удерживать девчонку в сердце.

Маша.

Машенька.

Самое чистое и светлое, что было в моей жизни.

Разумеется, если бы я все ей рассказал, Маша во что бы

то ни стало попыталась вытащить меня из этого дерьма. Но даже ей не удалось бы меня согреть. Потому что я — живой труп, и не имею никаких моральных прав тащить ее за собой в этот ад.

Я не хотел, чтобы она меня спасала. Но, тем не менее, постоянно думал о ней.

Даже больше, чем о...

Где-то внутри вновь сработал тревожный маячок, а в животе образовался болезненный тяжелый сгусток. Леденящий душу ужас вылился в испарину на лбу. Я вытер ее кончиками пальцев и делал глубокие вздохи, пока черные вспышки перед глазами не прекратились.

Не думать. Сука. Не дума-а-ать. Хоть какое-то время не терзать себя.

Я до сих пор не знал, как со всем этим жить. Видит бог, я пытался... пытался справиться, но ни черта не выходило... И все эмоции, подавляемые долгими днями и ночами, вырывались наружу, накрывая меня с головой.

Гнев, боль и чувство чудовищной несправедливости стали проводниками в мой собственный ад, испортив такое выстраданное нами обоими хрупкое счастье. Я выяснил значение выражения «медленно умирать заживо».

Познав, скажем так, все тайны моей семьи, внутри меня что-то окончательно сломалось, стерев с лица земли веру в справедливость, любовь и добро.

Тридцать первого декабря Маша ждала от меня каких-то

мужских поступков и решительных действий, а я смотрел ей в глаза, понимая, что просто не вытяну нас обоих. Я себе-то помочь не в силах, а двоим... Потонем оба. А ей еще жить и жить.

Я не имел права втягивать ее во все это дерьмо. Я-то доживу как-нибудь. Сколько мне там отмерено? Надеялся, что не очень много. Лечащий врач так и сказал: «Без серьезной работы с психиатром и медикаментозной терапии все может закончиться весьма печально».

Нахуй ей психопат?

Я не мог контролировать свои эмоции. Боялся, что никогда не смогу. Это мое личное проклятие. Мне в этом и вариться.

Я снова вспомнил Машин взгляд в тот момент, когда эскортница Аленка нарушила наше уединение. Он пронзал меня, как острая бритва. Ее перекошенное от боли и неверия лицо наверняка будет преследовать меня в самых жутких кошмарах. А побелевшие пальцы, сжимающие тонкое запястье...

Девочка моя.

Аленка так вовремя, что называется, «подыграла». Приперлась вместе со всеми на тусовку, отреагировав на мою массовую рассылку. За несколько минут до прихода Мышки эта шлюха заявила ко мне в комнату в платье, испорченном вином. Я разрешил переодеться, только предупредил, чтобы я ее не видел и не слышал.

Маша, конечно же, поняла все буквально. Но мне это даже было на руку. Так проще и легче. Если рвать, так уж наверняка... Хотя дико хотелось побежать за ней и на коленях вымаливать прощение за то, что я не справился.

Пообещал и подвел.

Когда Маша пришла, я снова почувствовал *это*... Накапало. А я не хотел чувствовать и пытался стереть себе память теми способами, которые знал.

Дальше в сознании лишь обрывочные воспоминания. Разноцветные вспышки. Салюты. Среди них был момент, когда в любимых Машиных глазах угас последний огонек надежды. Горел и потух.

У меня сердце сжалось. Но я должен был ее отпустить...

Маша уехала.

В глубине души я понимал, что это лучший из возможных сценариев. Потому что в любой момент мог сорваться. Приползти к ней, на коленях вымаливая прощение...

Вот и сейчас, обработав ссадины на лице, чтобы не пугать старуху своим видом, я собрался в Барсуково, где меня ждало одно важное неоконченное дело.

За руль мне, конечно, было нельзя, но если очень хочется, то... Правильно, кто ж мне запретит?

Однако я вновь переоценил свои силы. По дороге в поселок голову то и дело простреливали приступы распирающей боли. Пот под свитером катился градом. Грудь будто разрывалась напополам.

К моменту, когда я приехал к дому Машиной бабушки, уже окончательно стемнело. Немного отдышавшись и придя в себя, я прихватил папку с документами и хлопнул дверью внедорожника. В подъезде в нос ударил неприятный затхлый запах. Я нетерпеливо выжал звонок, после чего начал долбить кулаками в дверь. Вскоре послышалось приглушенное шарканье.

— Кто там?

— Серафима Ивановна, это... Паша.

Все звуки резко стихли. Секунда. Две... Три...

Я выдохнул с облегчением, когда Машина бабка, недоверчиво щурясь, высунула голову в дверной проем.

— Добрый вечер.

— И правда... ты, — она зло рассмеялась, а затем, подавшись вперед, отвесила мне звонкую пощечину.

Из носа и губы снова пошла кровь. Ну что ж.

— Что ты здесь забыл, ирод проклятый?! — яростно прошептала Серафима Ивановна. — Век бы глаза мои тебя не видели...

— Серафима Ивановна, я должен кое-что вам передать.

— Что передать? — враждебно качнула головой она.

Я протянул папку с документами, подготовленную юристом во время моего «отдыха».

— Эта квартира принадлежит Маше. — Я вздохнул, поймав ее ошеломленный взгляд. — Вы же знаете свою внучку... Она не приняла мой прощальный подарок, и тогда мне при-

шла идея сделать так, чтобы у Маши не было возможности отказаться.

Повисла напряженная пауза.

— Что еще удумал? — уже не так категорично поинтересовалась бабка Маши, наконец впуская меня на порог.

— Я оформил эту квартиру на вас.

— На меня? — Серафима Ивановна уставилась на меня во все глаза. — Бреешь!

— Да, на вас. Но, полагаю, пока необязательно ставить вашу внучку в известность. Возможно, будет более подходящий момент. — Помолчав, я добавил: — Несмотря на всю ту боль, которую я причинил, не хочу, чтобы Маша когда-либо в чем-то нуждалась.

— Я ничего не понимаю... — пробормотала Серафима Ивановна.

— Я открыл счет на ваше имя. В этих документах вы найдете все необходимые данные и номер моего доверенного человека. С завтрашнего дня вы можете спокойно распоряжаться деньгами. Возможно, захотите полететь к Маше в Турцию или перебраться жить в Москву, — равнодушно пожал плечами я, удерживая ее потрясенный взгляд.

— Но... Как же я уеду без Аллы Степановны? — пробормотала она еле слышно.

— Там денег хватит, чтобы вам с Аллой Степановной лет до ста снимать роскошные апартаменты в самом центре столицы! — грустно улыбнулся я.

— П-правда?

— Да. Только пообещайте мне, что со временем сумеете убедить внучку принять мою помощь? Маша не должна ни в чем нуждаться. Она и так... — сглотнув тягучий кровавый сгусток, я не смог договорить.

Серафима Ивановна помялась еще секунд тридцать, хотя ответ был отчетливо написан у нее на лице.

— Хорошо... Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок... — Она нервно кивнула, отводя взгляд, — Погоди, я тоже кое-что тебе передам.

Спустя пару минут она вернулась, протягивая мне бархатистую коробочку. Даже не открывая, я знал, что в ней лежит.

Засунув коробочку в карман, я покинул затхлый подъезд, мечтая остаться со своими демонами наедине.

Вернувшись домой поздно ночью, я открыл сейф и вытащил оттуда «последний подарок» моего отца. Упав в кресло, я уже без особых эмоций еще раз просмотрел полученные документы. Нет, это не сон. И не глюки. Что ж...

Закинувшись горстью таблеток, я вновь мысленно перенесся в тот роковой вечер.

Здравствуй, Паша! Я долго думал, писать тебе или нет, но в последние недели сил держать это в себе не осталось.

Я чувствую, мое время на исходе, и если мое сердце во вре-

меня операции все-таки не выдержит, ты имеешь право знать правду, какой бы страшной, грязной и неприглядной она ни была.

Но для начала, сынок, я бы посоветовал тебе ознакомиться с фотографиями в синем конверте. Они подлинные. В папке есть все источники.

Я послушно раскрыл синий конверт, высыпая оттуда приличную стопку снимков. На них была запечатлена мама. В компании мужчины. Смутно я его помнил. Когда-то он даже появлялся на вечеринках в нашем доме. Один из политических конкурентов отца — Михаил Колесников.

Я озадаченно листал фотографии, явно сделанные частным детективом. И чем больше я их рассматривал, тем сильнее становилось мое негодование.

Потому что снимки однозначно передавали характер отношений этих двоих. У моей мамы был роман с депутатом Колесниковым? Получается, что так. Но... Уму непостижимо!

Я вернулся к отцовскому письму.

Для того, чтобы ты увидел полную картину, я расскажу все с самого начала.

Ты знаешь, что мы с твоей матерью — выходцы с самых низов, без богатых предков. Нищebroды, как сейчас модно говорить. Мы всегда жили душа в душу, поддерживая друг друга. И ты у нас появился по большой обоюдной любви.

Твоя мама была для меня женищиной-эталоном. Я мо-

литься на нее был готов. Идеальная! Я хотел целый век быть с ней вместе. И в горе, и в радости.

Потому и работал как проклятый, чтобы у вас с Ксюшей все было! Абсолютно все.

Когда я попал в струю и бизнес пошел в гору, я завалил твою мать дорогими подарками: шубы, цацки, тачку ей лучше, чем себе, подогнал. В конце девяностых Ксюха была одной из первых в Москве, кто щеголял в соболиной шубе!

Бать, да в курсе я. Давай ближе к делу.

Я боготворил твою мать. Ни одна баба ей в подметки не годилась. Мы были так счастливы — ты, я и мамка.

Да, счастливы...

А потом случилось кое-что незапланированное. Я ей изменил.

Сразу оправдаюсь — это был глупый порыв. Поддался чарам новой секретарши, и мы переспали пару раз. В то время у всех моих друзей были интрижки, типа мода иметь упакованную шлюхастую любовницу, но это никак не мешало их семьям.

Только вот незадача — Ксюха как-то без предупреждения приехала в офис... Ну, и засекла нас. Я облажался по полной!

Разумеется, я сразу эту девку уволил, а у мамки твоей буквально в ногах валялся, чтобы простила. Я ей изменил, а потом казнил себя. Тяжелый был период, но мне казалось, мы справились.

Я после этого ни-ни. Даже смотреть перестал в сторону других баб. Тогда-то и потянуло меня в народные избранники. Пообещал Ксюхе, что она станет одной из самых влиятельных женицин города — депутатской женой. Бизнес на нее новый оформил, тачку подарил, не говоря уже о том, что скупил тонны ювелирки, лишь бы твоя мамка на меня не обижалась.

Как у тебя все просто, бать...

Мне казалось, все вернулось на круги своя. Я выиграл депутатскую гонку, познакомился с первыми людьми нашей страны. Нереальные ощущения — быть в числе избранных, приближенных... Временами я даже чувствовал себя гениальным. Парень из самых низов смог забраться на верхушку пищевой цепочки!

А потом как гром среди ясного неба... Известие о ее романе... Да не абы с кем, а с одним из моих политических оппонентов из другой партии. Колесников был одним из самых ярких политических деятелей страны! Нашла же с кем отомстить!

Знаешь, Паиш, я бы даже после этого ее финта нашел бы в себе силы простить. Я все осознал и принял. Око за око. Зуб за зуб.

Вот за это я и любил Ксюшку — сильная, яркая, страстная. Одним своим взглядом могла скрутить меня в бараний рог.

Но твоя мать попросила развод. Оказывается, они кру-

тили роман уже приличное время и собирались официально оформить отношения. Она призналась мне, что ждет от Колесникова ребенка.

Ребенка? Какого, на хрен, ребенка, если мать страдала от наркозависимости?

Я вновь покосился на снимки. Улыбчивая расслабленная женщина на них менее всего походила на потерянную наркоманку. А может...

Судорожно вздохнув, я почувствовал, как в жилах вскипает кровь. Сердце бешено заколотилось, когда я вчитался в следующие строки.

Вот мы и подошли к самой трагической части повествования...

Еще раз повторяюсь: я боготворил твою мать и готов был ее простить, если бы она вернулась назад и сделала аборт. Но она оказалась категорична — сказала, что съедет из дома и подаст на развод сразу после того, как поговорит с тобой. Она хотела тебя подготовить.

Когда я прочитал следующие абзацы, мои руки затряслись, а из глаз брызнули слезы. Я не верил своим глазам. Даже представить себе не мог подобного в самых извращенных и кровожадных своих кошмарах.

Сынок, пойми меня правильно, я не мог допустить их союза с Колесниковым. Ни при каком раскладе не мог. Депутат-рогоносец? Чем может помочь народный избранник, который проглядел адюльтер у себя под носом? Смех, да и

только.

Приближались новые выборы, этот позор бы отвернул от меня весь электорат, а вот Колесникову был бы только на руку! За кого будут голосовать люди? За оплеванного мужа-рогоносца или уверенного в себе ястреба? Слишком многое было поставлено на карту.

Я мучительно медленно сглотнул.

На той вечеринке у нас дома мой человек подсыпал тебе матери в напиток очень редкое вещество. Его даже ядом язык не поворачивается назвать. Действует скорее как сильное снотворное. И через 4-5 часов полностью нейтрализуется. На черном рынке его называют «ласковым убийцей». Ксюшка заснула и даже не поняла, как оказалась в бассейне.

В свое оправдание я могу сказать, что она нас предала. Да! Предала! Не только меня, но и тебя! Она собиралась создать новую семью с Колесниковым, родить нового ребенка...

Если ты думаешь, что я раскаиваюсь, то это не так. Мы с Ксюшей поклялись век быть вместе, но она нашла мне замену...

Жалею я лишь о том, что не додумался отправить тебя куда-нибудь подальше. В ту ночь ты не должен был оказаться дома. Не должен был видеть ее... Не должен...

Я отложил письмо, стараясь продышать свинцовый ком в глотке. Руки дрожали так, что я несколько раз ронял листы на стол.

Ну, вот, пожалуй, и все. Чувствую, мы больше не увидимся.

Ты — мой единственный наследник. Я переписал на тебя все свое движимое и недвижимое имущество и верю, что ты найдешь в себе силы приумножить семейный бизнес.

Да, ты имеешь право знать, какой гулящей шлюхой оказалась твоя мать. Предательница! А с предателями у меня разговор короткий!

Это закон жизни, Пашка, — либо ты, либо тебя. А как, ты думаешь, мне удалось, построить свою империю?

Империя, построенная на костях.

Будто в состоянии аффекта я схватился за телефон и вбил в поисковике имя. Михаил Колесников. Из груди вырвался свистящий вздох, как в ночном кошмаре, когда хочется кричать, но не можешь...

Лента новостей пестрила десятками заголовков примерно одинакового содержания. Все они были датированы годом смерти моей мамы.

«Депутат Михаил Колесников скончался в больнице после того, как на него было совершено покушение. Киллеру удалось скрыться. Подробности трагедии уточняются».

Несколько секунд я не дышал. Мышцы горла сжимались и разжимались. Сжимались и разжимались, поднимая из недр души всю ту подавляемую годами лютую боль. Перед глазами застыла картина, как мы с отцом крепко обнимаемся на моей свадьбе.

А потом меня накрыло.

Говорят, о мертвых либо хорошо, либо никак?

Закинувшись горстью транквилизаторов, я вдумчиво вчитывался в каждую строчку. Читал и перечитывал письмо до самого утра.

Когда вся правда вскрылась, похоронив меня под руинами тотальной лжи, я понял, что как раньше уже не будет. Никогда. Большую часть своей жизни я без конца лицемерил и притворялся не только перед окружающими, но и перед самим собой. Изображал того, кем я не являюсь.

Клоун Паша.

Еще тогда, в тринадцать, психотерапевт растолковал мне, чем чреваты эмоциональные психотравмы у подростков, если не уделить им должного внимания.

Зажмурил глаза и стиснув челюсти, я откинулся на спинку кресла, переносясь на много лет назад...

Ночь. Дома ни звука. Только жуткое съедающее предчувствие.

— Мама... Мам, ты здесь? Мама? Это я, Пашика. Ты не брала трубку... — бормотал я, носясь по многочисленным комнатам дома.

Но ее нигде не было.

— Мам, я сбежал от бабушки. Она не знает, что я ушел. Представляешь? — Я выбежал во двор и остановился около

бассейна. — Мамочка, ну где же ты?

А потом я заметил что-то темное на самом дне.

Нет...

Нет... Нет... Нет...

— МАМА!!! — я взвыл и не задумываясь прыгнул в воду.

Это была она. Моя мамка. И она не дышала. Не дышала...

Нечеловеческая боль разорвала грудь, выплеснулась, как раскаленная лава из жерла вулкана.

Вытащив бездыханное тело на поверхность, я отчаянно пытался сделать матери искусственное дыхание, не отдавая себе отчета, что она давно мертва. А когда до меня наконец дошло, я улегся рядом с ней, самой близкой и родной, и крепко обнял, желая отдать ей хотя бы немного своего тепла.

И в тот момент произошла моя психологическая смерть.

Беззаботный подросток Пашка Левицкий умер.

Боль, поселившаяся в душе, казалась невыносимой и день за днем сводила меня с ума. Слишком мощная, она не утихала даже ночью. И тогда я отыскивал способ сделать ее чуточку слабее.

Однажды я случайно порезался садовыми ножницами и вдруг осознал, что физическая боль ненадолго заглушает душевную. Но и этого деструктивного способа я вскоре лишился, когда отец нашел в моей комнате окровавленные ножницы. А дальше — чемодан, вокзал, дурка. И месяцы интен-

сивной психотерапии.

Тогда же я понял, если хочешь скорее выбраться — надо научиться изображать нормального, потому что никакие разговоры и тонны психотропных не помогут мне победить эту боль. Но со временем мне удалось похоронить ее глубоко в себе.

А теперь, узнав, что все эти годы я жил бок о бок с убийцей и предателем, а в последние недели чуть ли не жрал с ним из одной тарелки, я ощущал, что напрочь лишился нравственных ориентиров и способен на любые, даже самые отвратительные поступки.

Я был ослеплен желанием мести. Если бы я узнал об этом во время его жизни, то не задумываясь, без всякого сожаления отправил бы нелюдя на тот свет. И не посмотрел бы, что родной отец.

К счастью для него, он ушел сам, а я... Я с ума сходил от бешеного нереализованного желания вендетты. С той самой минуты, как узнал имя человека, разрушившего сразу несколько жизней, я думать не мог ни о чем другом.

Мама... Мамочка. Ты по-человечески хотела расстаться, просила его отпустить тебя. Ты просто хотела быть счастливой, находясь в ожидании моей сестренки или брата. Но это чудовище лишило нас всего.

POV Кирилл Воронов

Несколько недель спустя

Февраль подходил к концу.

К сожалению, этот год начался не самым лучшим образом. Мы еще не отошли от новости о скоропостижной кончине Пашкиного бати, как спустя несколько дней чуть не потеряли его самого.

Досадно, но пребывание в клинике не особо пошло Левицкому на пользу. Чуда не случилось. Наоборот. Пашка перестал выходить с нами на связь.

Брат хоть и пребывал в бешенстве, но приставил своего человека присматривать за Левицким. Увы, пока вырисовывалась весьма унылая картина — товарищ продолжал бухать и употреблять всякое дерьмо, несмотря на запреты врачей.

Пашка назначил Влада Милкова своим официальным замом и передал ему бразды правления всеми подразделениями семейного бизнеса. А значит, этот придурок не собирался ничего менять.

Я вышел из Сашиной кондитерской с пакетом сдобы под мышкой и уже собирался прыгнуть в тачку, как вдруг услышал где-то поблизости отборный трехэтажный мат.

Посмотрев через плечо, я несколько опешил от дивной картину — мой проблемный товарищ Павел собачился с охранником «Патриков», очевидно, пытаясь прорваться в ресторан.

Помяни черта...

Артем на днях предупредил меня, что распорядился больше не впускать Левицкого в заведения его сети. Вчера вече-

ром Паша знатно схлестнулся в рукопашной с охраной бара, а сегодня, не сумев попасть в ресторан, похоже, решил повторить. Мало же отхватил!

— Паш! — крикнул я и понесся их разнимать, бросив пакет с булками на заднее сиденье.

— Какого хрена ты меня не выпускаешь?! — зло выплюнул Левицкий, хватая амбала-секьюрити за грудки.

— У нас в заведении строгий дресс-код, — прохрипел тот, отвечивая моему товарищу пару четких ударов под ребра.

— Тише-тише! — подскочив к ним, я выставил руки вперед. — Все, Вить, харэ! Я беру на себя этого бешеного, — покосился на нашего дебошира, с трудом подавив вздох разочарования.

Выглядел Пашка херово. Правый глаз затек, нос перебит, все лицо в свежих ссадинах и синяках. Полнейшее недоразумение. Тут я вынужден был согласиться с Артемом.

— Кирюх, ты передай своему трусливому братцу, что в Москве полно заведений гораздо лучше его тошниловок. Реально думает, я не найду где пожрать?

— Если бы ты только жрал, Паш, — сухо парировал я, кивая в сторону своего автомобиля. — Пошли, пообщаемся!

— Вообще-то у меня уже есть планы на вечер, — равнодушно бросил Пашка.

— Правда? Дай угадаю. Снова собираешься спускать свое здоровье в унитаз? М? Охеренные планы!

— Я уезжаю через несколько дней. Заехал попрощаться с

Темычем, а меня не пустили на порог. — Левицкий изобразил шуточный реверанс.

Шоковая терапия. Очень в духе моего ненормального братца. Вот у нас подобралась компашка! Можно устраивать соревнования, у кого пуля в башке свистит сильнее. Грустно и смешно.

— И куда ты собрался? — озадаченно спросил я.

Левицкий сосредоточил на мне ничего не выражающий взгляд. Лишь пустота и мрак.

— К бабаю на хер, — отмахнулся он. — Не знаю пока, Кирюх. Возьму билет в один конец.

— Тогда давай хоть попрощаемся по-человечески? Поехали к нам? Поужинаем, Поговорим.

— Куда я в таком виде? Алина не поймет. — На лице Пашки появилась печальная улыбка, он потер фалангой заплывший глаз.

— Алина не поймет? Ты издеваешься? Знал бы ты, как Алина переживает за тебя, мудака такого.

Как я и предполагал, жена не только обрадовалась, увидев со мной Пашку, но и чуть не разрыдалась от его весьма потрепанного вида. К счастью, она не стала поднимать тему смерти Романа Константиновича и вообще не приставала к Левицкому с расспросами. Накрыла на стол и ушла играть с Сашкой, оставив нас наедине.

— Куда хоть собрался? — спросил я, наблюдая, как он ковыряется в котлете.

— Говорю же, пока не решил.

— Паш...

— Кирюх, не начинай! — усмехнулся он. — Я все знаю. И про «жить дальше», и про вашу поддержку. Кстати, передай Тemyчу, что я ни в коем случае на него не обижаюсь и очень ценю такую, практически отеческую, — на слове «отеческую» Пашу передернуло, — заботу. Только чувак, который каждый день за мной катается, слишком уж палится. Похоже, Апостолов теряет сноровку!

Паша перевел взгляд на свинцово-черное небо за окном.

— Тemyч переживает. Но ты же его знаешь — он никогда в этом не признается.

— Знаю. Я все знаю, Кирюх. Я же тертый калач. Уже два срока в дурке отмотал. — Левицкий простодушно улыбнулся, и на кухне установилась гнетущая тишина.

Глядя в потерянное и осунувшееся лицо друга, я вдруг подумал о своем отце и вспомнил одну удивительную историю из его жизни. Батя рассказал мне ее, когда я, чудом уцелев после нападения людей Венедиктова, сидел с ним на кухне, так же, как и Пашка, утратив всякий интерес к жизни. Сам не знаю почему, но я вдруг понял, что обязан рассказать об этом Левицкому.

— Когда на нашу семью было совершено покушение, мой батя в одночасье лишился всего. Он потерял любимую жен-

щину, возможность видетсья со своими детьми, бизнес, который создавал годами, родной дом, Родину, наконец...

Паша уставился на меня своим непроницаемым взглядом, внимательно слушая.

— Представляешь, каково это — внезапно осознать, что, доверившись не тому человеку, ты потерял все? *Абсолютно все.* — Я помолчал, а затем почти беззвучно продолжил: — Мой отец как-то признался, что в первое время сожалел, что выжил во всей этой заварушке...

Снова молчание. По крайней мере, он меня слушал. Я понятия не имел, как ему помочь, но отчаянно желал сделать хоть что-то.

— Если бы не один из преданных людей, бате бы не удалось спастись. Тем не менее, он не понимал, как можно после всего этого жить? Нормально, полноценно жить, когда жизнь оборвалась... Как найти в себе силы вернуться и разделаться с конкурентами? Отомстить подонкам за все то зло, которое они с нами сотворили?! Я обратил внимание, как дрогнули уголки потрескавшихся губ Пашки. Внезапно он прошептал:

— Твой отец — настоящая легенда.

Я кивнул.

— Да, он легенда. Трудно поверить, что когда-то батя так же, как и ты, был поломан до основания. Тень человека.

Паша промолчал, но я видел, как внимательно он меня слушает, поэтому продолжил:

— Отец был очень слаб после ранения. А морально...

просто уничтожен... Он не смог смириться со смертью мамы. В тот день часть его души скончалась вместе с ней.

Паша смотрел на меня в упор, его подбородок слегка подрагивал. Кажется, впервые за все это время его по-настоящему что-то заинтересовало. Я решил не останавливаться и поведать ему одну из тайн нашей семьи.

— Кроме меня и Артема никто не знает, что несколько лет отец жил в тибетском монастыре. У одного монаха. Там он и возродился из пепла.

— Что еще за монах? — натянуто улыбнулся Левицкий.

— Настоятель монастыря. Раньше он принимал паломников со всех концов света. Кого-то он оставлял у себя. Моему отцу повезло у него учиться.

— И чем же он сумел ему помочь? — прозвучало насмешливо.

На кухне снова установилась тишина. Я обдумывал, насколько подробно готов распространяться об этом, памятуя, что батя и сам неохотно делился с нами подробностями.

— Отец говорил, что этот человек произвел на него сильнейшее впечатление. Со временем монах поделился с ним некоторыми знаниями в области управления сознанием, управления самоконтролем, концентрацией. Батя рассказывал, будто оказался в другом мире, где работают совсем другие принципы.

Мы с Пашей одновременно вздрогнули, услышав истошный крик Сашки. Я вздохнул.

— Сын третий день болеет ветрянкой. Температура спала, но все тело чешется...

В этот миг малой распахнул дверь в кухню, без зазрений совести нарушая наше уединение.

— Па-а-апа-а-а... Па-па-а... — забираясь ко мне на колени, хныкал сынок. — Па-а... Не хотю-ю... Не хотю-ю...

— Не хочет болячки мазать, — перевела с малышкового языка зашедшая следом Алина и устало покачала головой.

Я заметил, как внимательно Паша рассматривал нашего сорванца. К слову, малец, под стать гостю, тоже выглядел «не фонтан» — весь в подживающих коростах и синяках из-за чересчур бурного познания окружающего мира. Сашка у нас тот еще кадр. Ничего не боится.

Пашка подмигнул моему сыну, состроив рожицу. Некоторое время Саша внимательно его разглядывал, а затем... засмеялся!

Тогда Левицкий вытянул губы трубочкой и, словно рыба-фугу, раздул щеки. Мы с женой переглянулись, а Сашка... принялся так звонко хохотать, что у меня перехватило горло.

— Сашуль, обработаем болячки? — осторожно поинтересовалась у нашего «несмеяна» Алина.

— Дя-я! Дя-я-я-я... — обхохотывался Сашка, наблюдая за кривляниями нашего грустного клоуна. — Дя-дя-я-я Па-са-а-а-а... — схватившись за животик, хихикал мой сынок, позволяя Алине совершить не самые приятные манипуля-

ции.

— Спасибо этому дому... — внезапно Пашка поднялся, потупив взгляд, — Мне пора.

— Не уходи-и-и... Поигра-а-ай со мной! — вновь захныкал Сашка. — Поиграй!

— Паш, не уходи! Мы чай пить собираемся, — подключилась Алина, указывая на пакет сдобы, который я принес.

Любимая устремила на меня полный сочувствия и сожаления взгляд. Я незаметно пожал плечами. С самого начала разговора меня не покидало ощущение, что эта встреча может стать последней.

— Паса-а-а, не уходи-и-и-и... — вцепившись Левицкому в штанину, заныл Сашка и потянул его в сторону своей комнаты.

Повисла звенящая тишина.

Наконец Паша тихо сказал:

— Ладно, минут на тридцать задержусь. Показывай, во что играть будем, друган?

Засветившись, как лампочка, Сашка взвизгнул от счастья и забрался к Пашке на руки. О чем-то тихо перешептываясь, эти двое скрылись в детской, оставив нас с Алиной в полнейшей прострации...

Несколько дней спустя

Я уже собирался ехать из офиса домой, когда из водоворота мыслей меня вывел телефонный звонок. Звонил Левиц-

кий.

— Кирюх?

— М?

— Ты рассказывал про тибетского монаха, у которого жил твой батя много лет назад... — После паузы друг продолжил.

— Ты знаешь, как его найти?

— Этот старец уже лет семь как не берет новых учеников. Когда батя ездил туда в последний раз, монах даже к нему не вышел...

— Но ты ведь знаешь, как его разыскать?

— Я — нет. Но если надо, могу кое с кем переговорить.

— Надо.

POV Павел Левицкий

Два с половиной года спустя

Переступив порог ресторана «Патрики», я внимательно осмотрелся. За то время, пока меня не было в городе, они поменяли шторы и скатерти на столах. Уютненько. Хотя мне и раньше здесь очень нравилось.

Гуляя взглядом по расслабленным лицам гостей, я остановился на загорелой откормленной морде Апостолова. Мой лучший друг потягивал кофе, с сосредоточенным видом изучая какие-то бумажки за своим любимым столом возле окна.

Приблизившись, я замер около него, с трудом сдерживая улыбку. Наконец, товарищ поднял голову, и наши взгляды встретились. Выражение этой гнусной самодовольной рожи

было поистине бесценным. Жаль, я не додумался включить камеру на телефоне.

Артем так внимательно всматривался в мое лицо, будто никак не мог поверить, что оно реально. Что я реален, а не плод его фантазии.

Уголки его губ слегка дрогнули, и я не на шутку испугался, что Апостолов даст волю слезам. Тогда бы это точно стало самым драматичным моментом нашей дружбы.

Минут пять никто из нас не осмеливался произнести ни слова. Наконец мой товарищ резко поднялся, пробормотав.

— Живой... Все-таки вернулся... — Артем резко поднялся и, поджав губы, сверлил меня ожесточенным взглядом.

Да, Темыч, я вернулся.

Я живой.

— Живее всех живых и очень голоден! — Я демонстративно прошелся пятерней по своей жесткой растительности на лице. Для большего эффекта специально решил пока не сбривать бороду. — Накормишь? Или идти к конкурентам?

— Не ты ли называл заведения моей сети тошнилловками? — губы товарища растянулись в фирменной надменной улыбке, а в глазах читалось облегчение.

— Только после того, как ты натравил на меня всю свою тупорылую охрану, — усмехнулся я, с трудом припоминая один из самых непростых жизненных периодов. — Так что? Накормишь друга?

— Что-нибудь придумаем, — фыркнул он, протягивая ко

мне свои лапищи.

Обниматься собрался? Признаюсь, я не ожидал от Апостола телячьих нежностей.

Мы крепко обнялись, похлопав друг друга по плечам. И одновременно расхохотались. Искренне и звонко. Как два человека, которые вопреки всему сумели выжить после страшного стихийного бедствия и встретились вновь.

— Вернулся? — настороженно уточнил он.

— Как видишь, — я пожал плечами.

— И... теперь без глупостей?

— Хватит на мой век глупостей. Пора браться за голову, — вздохнув, я снова подумал о Маше. Сердце сжималось от одной мысли о том, какую боль я ей причинил.

— Где ты пропадал все это время? Неужели то, что говорил Кирилл, правда? — Апостолов покосился на мою бороду.

Ответить я не успел, напоровшись на растерянно-изумленный взгляд Воронова. Приближаясь к нам широким шагом, Кирюха смотрел на меня так, будто перед ним оживший труп, который выкопался из земли и, подобно нечисти из фильмов о зомби-апокалипсисе, проник в ресторан.

— Пашка?! — заорал он. — Левицки-и-ий! — И недоверчиво улыбаясь, набросился на меня.

— Я-я... Только не придуши от радости...

— Прибьешь тебя! Ага. Как же! Вон, какая махина! — заржал он, когда я в шуточной манере выставил блок.

Мы начали обмениваться легкими ударами, привлекая внимание гостей ресторана. Явно сдерживая улыбку, Апостолов закатил глаза и кивнул в сторону служебного входа.

— Тем, смотри, какую он бороду отрастил! — ухмыльнулись Кирюха, так и не сумев пробить ни один мой блок.

Все-таки почти два года ежедневных практик не прошли даром.

— Предлагаю подняться наверх и по-человечески отметить твой приезд! — озвучил Артем, вопросительно приподняв густую темную бровь.

— Поддерживаю! — подхватил Кирюха. — Паш, ты как?

— Подняться я, конечно, за. Только без алкоголя.

Атмосфера счастья и воссоединения тут же развеялась, когда Темыч тихо спросил:

— Ты подшился, что ли?

Усмехнувшись, я покачал головой.

— Это мой осознанный выбор. Жизнь без наркотических веществ и алкоголя дает массу преимуществ. Зато теперь мне хватает энергии постоянно быть в тонусе.

Я по очереди выдержал их пристальные взгляды.

— Паш, ты реально полностью завязал со всем этим дерьмом? — после непродолжительной паузы уточнил Воронов.

— Реальнее не придумаешь. — Я не мог наблюдать за ними без улыбки. — За последние месяцы мой мир будто перевернулся. И все началось с того ужина у тебя дома, Кирилл.

Мы засиделись в кабинете Апостолова до позднего вечера. Конечно, братьям было любопытно, где я пропадал все это время. И правда ли, что я сумел отыскать того самого монаха, который когда-то помог выбраться из беспробудной тьмы Апостолу-старшему, указав верный путь?

Да. Я его нашел. Попасть к нему было адски сложно, но что такое сложности для человека, заживо сгорающего в своем собственном аду?

Сам не знаю почему, тем вечером у Вороновых на кухне так зацепила меня эта история. А потом, когда к нам присоединился маленький Сашка, я будто увидел себя со стороны.

Сидел взрослый мужик и ждал собственной гибели. А его все жалели, уговаривали не уходить... Тьфу, мерзость. Мелкий мне вон чуть штанину не порвал, только бы я еще немного задержался.

И когда в детской я услышал чистый искренний смех пацаненка, впервые за долгие дни сумел хоть немного расслабиться. Не зря какой-то мудрец сказал, что Бог создал детей, чтобы отогревать ими наши заледеневшие сердца. Мы несколько часов играли. Машинки. Кубики. Конструкторы. Пазлы.

Я поймал себя на мысли, что хочу себе такого или такую... Вот чего я действительно хотел! И осознание этого было первым шагом на пути к моему душевному исцелению.

Вот чего я действительно хотел!

И осознание этого было первым шагом на пути к моему душевному исцелению.

Но, блять, я же шизик... А если завтра опять накроет? Чердак потечет? Кукуха сделает очередное сальто? Как воспитывать ребенка, если я со своим внутренним-то до сих пор подружиться не могу? Пиздец, страшно.

На прощание маленький Саша попросил прийти к нему еще раз и крепко-крепко обнял.

В тот вечер я дал обещание не только сыну Воронова, но и себе, что обязательно *вернусь*... Буду бороться до последнего, но *вернусь*. Не сломленным и жалким. Нет. Я отпущу прошлое и найду в себе смелость жить дальше. И так большую часть отведенного мне времени я был морально убит.

Папочка-психопат сделал все, чтобы подчистую уничтожить мою психику и нервную систему. Растоптать, не оставив камня на камне. Его «прощальный подарок» — очередное тому подтверждение. Не мог, тварина, уйти, зная, что сын наконец-то обрел долгожданное счастье и любовь. Свою семью. Не мог. Но у него не получилось снова загнать меня в ментальную камеру смертника.

Я вернулся.

Я выжил, отец. Я оказался гораздо сильнее, чем ты думал.
— Ты правда жил у старца, который помог нашему отцу?
— все-таки не удержался Артем.

Я кивнул.

— Мне потребовалось около двух месяцев, прежде чем он

согласился меня принять и выслушать. Я попросил помочь мне избавиться от своих страхов.

Вспомнил, как все эти недели я жил в небольшом сарае, словно собака, и питался лишь пророщенным рисом. Я сказал служителям монастыря, что не уйду, пока меня не выслушает Карма-бакши. Видимо, он понял, что я не собираюсь сдаваться, потому и расщедрился на встречу.

— Он помог тебе? — уточнил Кирюха.

— Он научил меня жить со своими страхами и делать их своей силой. Тогда ничто больше не сможет меня сломить.

В кабинете повисла уютная тишина. Меня захлестнуло ностальгической волной. Сколько раз мы с ребятами вот так же сидели в этом кабинете, обсуждая превратности этого насквозь прогнившего мира?

— Звучит любопытно, — тихо отозвался Апостолов. — А на деле?

Он развалился в кресле, делая большой глоток виски прямо из бутылки.

— А на деле бесконечные часы медитаций, тренировок и литры пота. Но оно того стоило.

— Чем ты хоть там занимался? Какие-то сверхспособности приобрел? Спать на гвоздях? Парить над землей? — с серьезным видом задвинул Темыч.

— Освоил пару приемчиков. Как-нибудь на тебе опробую, — отсалютовал я ему кружкой чая.

— Ты теперь как супергерой типа Бэтмена, прокачавший

все свои навыки? — Кирюха закусил нижнюю губу, пытаясь подавить улыбку.

— В отличие от большинства супергероев, Бэтмен не обладал какими-либо сверхспособностями. Он полагался на свой интеллект, боевые навыки и богатство. — Я пожал плечами. — Хотя какое-то сходство между нами определенно имеется, — ухмыльнулся я, допивая уже третью кружку зеленого чая.

— Паш, как ты понял, что пора возвращаться? — полюбопытствовал Апостолов.

— Это странно. И, пожалуй, я пока не готов делиться этим... — опустив взгляд, я вспомнил, что в последние недели все чаще видел один и тот же сон.

Он пришел на смену кошмару, в котором мой отец собственноручно убивал мою мать, а я смотрел на это и никак не мог ее защитить. Из-за детской травмы я постоянно возвращался в прошлое, которое очень долго не мог отпустить. Но со временем этот кошмар стал сниться гораздо реже, пока наконец его не вытеснил другой сон.

Мне снилась маленькая девочка, которая безостановочно плакала, протягивая ко мне свои ручонки. Она просила меня скорее вернуться домой.

Наставник объяснил, что наше бессознательное иногда может принимать самые причудливые формы. Возможно, таким образом оно сообщило мне, что пора домой. Тем более, с каждым днем я и сам будто все сильнее прозревал, скупая

по своей прежней жизни. По той ее части, которую, увы, не вернуть... Тем не менее, я определился со своими приоритетами. Я мечтал о семье и детях.

На прощание наставник сказал мне, что ребенок и будет ключом к моему окончательному исцелению.

В кармане завибрировал телефон. Вытащив его, я принял входящий вызов от Нелли.

— Паш, ну ты где? Я весь вечер одна дома...

— Скоро буду. Засиделся с друзьями. Скачай пока какой-нибудь фильм?

— Хорошо. Только давай быстрее. Я соскучилась.

Отключившись, я убрал телефон в карман и негромко объявил:.

— Забыл сказать — я женюсь!

Кирюха резко подался вперед.

— Че?

— Женишься? — нахмурился Апостолов.

— Ага! — я усмехнулся, глядя в их удивленные лица.

— Свадьба? Снова?! — присвистнул Артем, намекая на мой первый неудачный брак.

Я в очередной раз вспомнил, как проебался, нарушив все наши договоренности — потерял от Мышки голову, а потом поступил как форменный подлец. Дебил, собственноручно все разрушивший.

Я тогда не отдавал себе отчета в происходящем. Очень смутно помнил дни после известия о кончине отца. Только

ее прощальный взгляд навсегда застрял в памяти. Там плескалась такая боль... Схожая с ударом армейским ботинком между лопаток, когда падаешь навзничь и вздохнуть не можешь.

Я для нее умер. Судя по тому, что транслировали ее пустые глаза, мое предательство ощущалось именно так. Да, я ее бросил. С размаху. Бросил и не поймал.

Тогда мне казалось, что я долго не протяну, а Маше будет так легче меня отпустить. Ведь куда проще позабыть «ничтожного изменщика», нежели слабовольного душевнобольного.

Я осознанно ее отпустил, но сделал все возможное, чтобы Маша ни в чем не нуждалась. Уезжая, я на всякий случай составил завещание, где разделил все свое имущество между ней, моей, пусть и незаконной, но любимой женой, и друзьями.

До сих пор было тяжело вспоминать обо всем этом, потому что ничего не исправить. Маша видела во мне защитника, а я уничтожил все чистое и светлое, что она ко мне испытывала, разрушил ее под чистую. Потому что я и сам был разрушен.

Слабый. Сломленный. Прогнивший до основания.

Я утащил девчонку за собой на дно. Но, к счастью, она сумела выплыть.

«Спустившись с гор», я полетел на Гоа и в первый же вечер разыскал Машу в соц.сетях. Я выдохнул с облегчением,

удостоверившись, что у нее все в порядке. И судя по немногочисленным, но довольно говорящим фотографиям — более чем.

Выглядела Маша прекрасно. Яркой. Вкусной. Головокружительной. Цепляющей. Ее улыбка будоражила кровь и зачаровывала. А самое главное — она была искренней. Очевидно, шла от самого сердца.

Я понял, что Маша так и не вернулась в Москву. Моя бывшая жена жила в Турции и много путешествовала, если судить по фотографиям из разных уголков земного шара.

Ай да маленькая Мышка!

Ничего общего с той забитой скромницей, которой я узнал Машу несколько лет назад.

Я почувствовал гордость и восхищение, а еще... некоторую досаду. Потому что на одном из снимков я увидел свадебную атрибутику. Эта фотография однозначно давала понять — Маша не просто в отношениях, а готовится к свадьбе. А может, уже счастлива замужем.

Эгоистично было бы надеяться, что Маша все эти годы будет меня оплакивать. Ожидаемо, она вычеркнула меня из своей жизни. И мне бы очень хотелось окончательно выкинуть Мышку из головы. Пиздец, как хотелось бы. Но... с воспоминаниями о Маше было связано самое счастливое время в моей жизни, только я слишком поздно это осознал.

Непростительно поздно.

— Расскажи хоть, кто она? Как вы познакомились?

— Возможно, вы ее знаете. Нелли Маркелова.

Мы с Нелли были давно знакомы. Вместе учились в университете, часто пересекались на тусовках, одно время даже трахались.

— Маркелова? — Апостолов недоверчиво прищурился.

— Мажорка, что ли, эта?

— Да, — кивнул я, припоминая нашу случайную встречу с Нелли. — Она несколько лет жила на Гоа, «наевшись» московской тусовочной жизни.

— И тут такая встреча! — хмыкнул Кирюха.

— Я помню эту Нелли... — Артем кашлянул в кулак. — Без нее раньше не обходилась ни одна вписка.

— Все в прошлом. Нелька, как и я, нацелена на семью.

— Seriously? Она теперь осознанная и просветленная? Третий глаз на заднице открылся? М? — ерничал Артем.

— Типа того.

— Вы так быстро решили пожениться? — Кирилл поморщился.

— А чего тянуть? Мне уже тридцать пять, Нелли — столько же. И ни ребенка, ни котенка. Главное, нам комфортно вместе. Да к тому же на Гоа неделя за месяц идет.

— Комфортно? — вновь с напускным неверием переспросил всем известный каблук Кирилл Воронов.

— Да. И в постели она меня устраивает. Что еще надо? — сухо ответил я.

Братья переглянулись. Ну начинается! Сколько мы успели

пообщаться без этого пафосно-поучительного тона?

— А как же любовь и страсть? — глубокомысленно озадачился Артем, почесывая подбородок.

— Со страстью у нас все нормально.

Я хмыкнул, вспоминая, как спустя два года воздержания накинулся на женщину. По правде говоря, мне тогда было плевать, кого... хоть резиновую бабу, лишь бы дырка была.

На Тибете, чтобы попасть к наставнику, мне пришлось отказаться от большинства радостей мирской жизни. В том числе и от секса. Потому что слишком много в моей жизни было грязи. Случайные связи. Полная бездуховность. Невозможно очистить душу, не очистив тело.

— Ну что ж... Надеюсь, в этот раз у тебя все сложится, — как-то безрадостно подвел черту в нашем разговоре Артем.

POV Мария Мышкина

Москва

Я сидела в кресле в своем кабинете. Теплое, яркое июльское солнце заглядывало в окно.

Шла третья неделя, как я вернулась в Москву — как бы я ни пыталась, избежать этой поездки не удалось. Слишком много накопилось дел, которые требовали моего присутствия.

Да и бабушка наконец согласилась поехать в Турцию. Мы с ней договорились, что, когда я закончу здесь все дела, вместе вернемся в Стамбул, а оттуда махнем на море — как раз

начнется бархатный сезон, жара немного спадет, и отдыхать будет комфортно.

В перспективе мы с мамой планировали, что бабушка переедет жить к нам, потому что в России ее больше ничего не держало.

Весной не стало нашего «семейного дизайнера» Аллы Степановны. Жизнерадостная старушка ушла так же играючи, как и жила. Вечером они с моей бабусей отмечали очередную коллекцию непризнанного модельера, а с утра Алла Степановна не проснулась... Собственно, это событие и стало поворотным, полностью перезагрузив наши отношения с бабушкой.

Так уж вышло, что два года мы с бабушкой почти не общались. Нет, я, разумеется, несколько раз в неделю отправляла ей дежурные сообщения, чтобы удостовериться, что с ней все в порядке, но дальше этого не шло.

Узнав, что они с Аллой Степановной приняли подачку Левицкого, перебрались из поселка в новую столичную квар-

тиру, да еще и направо и налево сорили его деньгами, я расценила это как предательство.

Но после смерти закадычной подружки бабушка сильно сдала, и пришло время забыть старые обиды. Тем более, я планировала вернуть квартиру дарителю, просто пока руки не доходили заняться этим.

Экран моего телефона засветился.

Бабуся: уснула, моя девочка...

Следом шла фотография Поли.

Доча поджала губки, умильно сложив ручки под щекой. Меня затопило такой безумной теплотой, что я не смогла сдержать улыбку, адресуя поцелуйчик экрану телефона.

Доченька. Полюшка. Моя душа.

Я мысленно перенеслась в то время, когда один мир рухнул, а другой я еще не успела построить.

Переехав к маме в Турцию, я чувствовала себя растением, которое безжалостно выдернули из земли и пересадили в другое место, — у меня никак не получалось там прижиться.

Происходящее походило на удар молнии, когда на небе ни облачка и вдруг налетает ураган, сметая все на своем пути.

Разочарование и душевное опустошение накрыли меня с головой. Я чувствовала себя преданной, униженной, обманутой, уязвимой. Я не понимала, как жить дальше.

А потом я узнала, что жду ребенка.

Никогда не забуду то утро, когда, спустя несколько недель задержки и все усиливающейся тошноты, я наконец догадалась сопоставить все симптомы и сделала тест.

Зная о рисках, которым подвергается ребенок из-за неустойчивого стрессового состояния матери, я решила сделать все, чтобы скорее привести себя в порядок.

В те времена я уже онлайн работала у свадебного организатора Каролины Кросс, однако только после известия о беременности рискнула полностью открыться ей и попросить помощи. Знала, что за плечами у моей работодательницы аж четыре развода, и она одна воспитывает дочку-подростка.

Следующим вечером после нашего разговора Каролина прилетела в Турцию и увезла меня на море. Она сняла нам просторный люкс в хорошем отеле и целую неделю пыталась привести меня в чувство, а перед отъездом оставила контакты своего психолога.

Не скажу, что восстановление проходило быстро и легко. Тем не менее, я поставила себе цель в день самой долгожданной встречи быть здоровой, самодостаточной, уверенной и спокойной. Чтобы моя малышка никогда не усомнилась в том, что ее любят.

Оживать было непросто. Психолог посоветовал научиться проживать все болезненные эмоции. Ох, сколько же неотболевшего обнаружилось у меня внутри...

Я писала ругательные письма, адресованные бывшему однокласснику, бабушке, маме, Левицкому. Я писала все, что не смогла когда-то озвучить. Писала и плакала, рвала эти листы и снова писала, топая ногами и проговаривая свои эмоции вслух. Проживала горечь, злость, разочарование, страхи, старые обиды...

Маленькими порциями я научилась справляться со своими эмоциями, параллельно готовясь к рождению Полинки, ведь я поставила себе цель — ради дочери выплыть из всего этого дерьма.

Кстати, об отце Полины.

Еще находясь в Москве, я узнала от Алины и Саши, что Левицкий загремел в психушку. Что бы с ним ни происходило, мне было его совсем не жаль. Ему ведь не было жаль топтать мое слабое сердечко. Два сердечка. Как выяснилось чуть позднее.

Вскоре после того, как я перебралась к маме в Стамбул, Алина написала, что Паша уехал из страны и неизвестно, когда вернется. Тогда-то я и приняла решение сохранить новость о своей беременности в тайне. Зачем ему об этом знать? Наши отношения стали для него обузой, а тут ребенок! Мы его не планировали, и я не собиралась перекладывать свою ответственность на Левицкого. Тем более, он уехал. Пусть будет свободен, как птица в полете...

С Апостоловой и Вороновой я тоже полностью оборвала общение, к сожалению. Для возвращения гармонии в свою жизнь мне необходимо было избавиться от триггеров прошлого. А жены друзей Паши, сами того не желая, напоминали мне об одном из самых трудных периодов. Но не будем о грустном.

После предательства одного подонка моя жизнь не закончилась. Напротив! Благодаря помощи Каролины и психолога, я сумела использовать травмирующий опыт для личностного роста, самопознания и позитивной трансформации большинства сфер жизни.

Полгода назад я стала первым заместителем в свадебном агентстве Каролины Кросс. Как раз сейчас Каролина утрясала последние организационные вопросы в Стамбуле, чтобы

осенью я возглавила там новый офис агентства — заграничные свадьбы сейчас очень востребованы!

Поток размышлений прервал видеозвонок Каролины.

— Машуль, срочное включение. Что там по Кочетову? Вы решили вопрос со свадебными нарядами?

Я подавила вздох.

Жених — популярный дизайнер и эко-активист — хотел быть на церемонии в костюмах собственного производства, но выглядели они, мягко скажем, странно.

— В процессе. Предложили ему уже более десяти концепций, но он все отверг. И настаивает на этих рваных костюмах!

— Рваных? — Каролина вскинула рыжую бровь.

— Ага. Там здоровенные дырки. И свисают какие-то лохмотья... Я тебе отправила фотографии.

— Погоди, открываю... — Пару секунд она молчала, после чего воскликнула: — Хоспаде, с какого бомжа это сняли? Он серьезно собрался в этом жениться?!

— Это его перформанс, чтобы привлечь внимание общества к проблеме осознанного потребления.

— Поня-я-ятно! Такой же шизик, как мой третий муж! — Каро хохотнула.

Я с трудом подавила смешок.

— Маш, я чего звоню... Этим летом нужно впихнуть еще одну свадьбу!

— Этим летом? Ты серьезно?! Да у нас уже половина зимы

расписана!

— Два слова — *неограниченный бюджет!* — Каролина загадочно прищурилась. — И утроенная премия! Говорю же, бюджет не ограничен! Есть где разгуляться! — Она подмигнула. — Я уверена, ты что-нибудь придумаешь.

— Хорошо, впихнем, — после небольшой паузы вздохнула я. — Отдам их Диларе.

— Дилара новенькая, а у нас там сверхбюджет! Кроме того, невеста с женихом какие-то просветленные — вернулись с Гоа, раскрыв грани своего внутреннего бытия! — съязвила Каролина. — Маш, возьми их на себя?

— Просветленные, говоришь?

— Ага. Я даже приветствие придумала: «Дзен добрый. Добрый дзен»! — она хихикнула.

— Ну что ж. Будем просветляться...

— Кстати, дорогая, как твое свидание? — Каролина слегка понизила голос.

Я пожала плечами.

— Мы с Муратом общаемся больше по-дружески. До моих ушей донесся раздраженный вздох Каро.

— Такой мужик! Бурак Озчивит отдыхает! Сколько можно держать его во френдзоне?

— Я и не держу, пусть все идет своим чередом. Кстати, он скоро за мной заедет — мы поедем ужинать, — прокашляв-

шись, я подумала о своем ухажере.

Мы с Муратом познакомились в Стамбуле во время подготовки к свадьбе его старшего брата. Он был из семьи обрусевших турков, владеющих гостиничным бизнесом и в России, и в Турции. А недавно выяснилось, что мы примерно в одно и то же время будем находиться в Москве, так что, можно сказать, сама судьба благоволила нашему общению.

— Ужин — это хорошо, — я почувствовала одобрительную интонацию в ее голосе.

— Ты так и не сказала, когда приедут эти просветленные? — спохватилась я.

В этот момент в приемной послышались голоса и шаги.

— Э-э... должны с минуты на минуту...

— Каролин, так нечестно, я уже собиралась уходить!

— Маш, *неограниченный бюджет*... — прошептала она словно мантру. — Пусть сразу подписывает договор! Уболтай их во что бы то ни стало!

Я закатила глаза.

— Невесту зовут Нелли Маркелова. Это все, что мне известно. Выясни подробности, а я помчалась на встречу с юристом. Завтра созвонимся. — И Каролина отключилась.

Дверь открылась, и ко мне в кабинет зашла утонченная голубоглазая блондинка в белой блузе с пышными рукавами, собранными мелкими складками, и в широких кремовых брюках. Она выглядела открытой и приветливой.

Мы обменялись дежурными фразами, а затем она достала

из сумочки телефон и набрала номер.

— Паш, ты где? — Нелли закусила нижнюю губу. — Хорошо, я начну без тебя. Заканчивай свой важный разговор!

Отключившись, она растянула губы в мягкой улыбке.

— Что поделать, если мой жених — властелин мира! — она рассмеялась своей не особо удачной шутке.

Хотя, справедливости ради, большинство невест, с которыми мне доводилось работать, связывали себя узами брака с очень обеспеченными мужчинами, потому что организация свадьбы в агентстве Каролины Кросс выходила весьма накладной. А если речь шла о неограниченном бюджете, то суммы получались и вовсе астрономическими.

— Вы уже определились, какую хотите свадьбу?

— Мы с моим женихом недавно вернулись с Гоа. Этот остров имеет для нас сакральное значение, поэтому мне бы хотелось устроить свадьбу в традиционном индийском стиле. Этаким живописный уголок Индии посреди каменных джунглей!

— Звучит интересно.

— Но не псевдопародию, а действительно нечто грандиозное! Имитация Аравийского побережья... Десятки гостей в сари и курта... Сотни гирлянд из живых цветов... Воссоздать символическое дерево Баньян, у подножия которого, по легенде, Будда получил просветление. Это возможно? — с придыханием поинтересовалась Нелли.

— Конечно! — невозмутимо выдала я, делая пометки в

планшете.

— Кроме того, мне бы хотелось провести несколько ведических обрядов и обменяться клятвами на древнем санскрите. У вас в агентстве есть человек, владеющий санскритом?

Я снова кивнула, натянув на лицо дежурную улыбку, ведь слоганом нашего агентства было «Для нас нет ничего невозможного».

— Мне так и сказали, что вы — лучшие в своем деле! — глаза Нелли восторженно засветились.

Я поднялась и направилась к шкафу, в котором хранились документы.

— Вам нужно заполнить договор и анкету. — Я протянула нужный комплект. — После этого мы встретимся для подробного обсуждения всех деталей свадебной церемонии.

— Здорово! Я в ближайшее время пришлю вам все по электронной почте.

Покосившись на подсвеченный экран мобильного, я заметила сообщение от Мурата.

***Мурат:** Я подъехал! Жду тебя у входа.*

М-да. Некрасиво заставлять Мурата ждать, но и выставить потенциальную клиентку за дверь тоже не вариант. Я потянулась к телефону, чтобы предупредить, что мне придется немного задержаться.

Дверь моего кабинета громко хлопнула.

— Прошу прощения. Мне пришлось задержаться.

Я повернула голову и...

Мир замер.

А потом рухнул. Снова.

Мне и в голову не могло прийти, что неожиданный удар под дых может быть таким сокрушительным и острым.

Это был...

«Что поделать, если мой жених — властелин мира!» И... отец моего ребенка!

Когда наши взгляды встретились, Левицкий сделал шаг вперед и застыл рядом с Нелли. На его лице отпечатался шок. А я смотрела и смотрела в эти серые глаза, словно за-гипнотизированная.

Да-да. Это был он.

Красивый до остановки дыхания. С гордо расправленными атлетическими плечами. В безукоризненно скроенном синем костюме, подчеркивающим мускулистую фигуру.

В кабинете повисла пауза, точно между вспышкой молнии и раскатом грома. Волоски на моих руках поднялись, будто в воздухе и правда проносились микроскопические разряды электричества. Все вокруг потрескивало от напряжения.

А мое слабое залатанное сердечко разваливалось на миллион кусков.

— Маша? — голос Левицкого дрогнул, а взгляд метнулся к безымянному пальцу на моей зависшей над телефоном руке, после чего вновь вернулся к лицу.

— Вы знакомы? — Нелли с подозрительно-удивленным выражением лица завертела головой.

Знакомы ли мы? Ха!

Изувеченное сердце сжалось от боли, когда до меня наконец дошел весь абсурд происходящего. Мой бывший муж... мужчина, разрушивший меня до основания... отец Польки... готовился к свадьбе с этой «просветленной» красавицей Нелли, вернувшись вместе с ней с Гоа.

— Были знакомы в прошлой жизни, — ровно пояснила я, ощущая, как в груди взрываются боеприпасы.

С каждой секундой меня все сильнее скрючивало от боли, однако, не обращая внимания на предсмертные судороги, я сумела прилепить на лицо какую-никакую улыбку.

Да! Вот так!

Мне вдруг захотелось широко и смело улыбаться, глядя ему в глаза. Потому что я знала, что прекрасно выгляжу. Готовясь к свиданию с Муратом, я нарядилась в платье из новой коллекции Алины Вороновой. И новый цвет волос — более яркий и сочный — тоже очень мне шел.

Паш, ты думал, что уничтожил Мышку? Погубил? Рас-топтал? Да, у тебя почти получилось. Почти. Мышка вы-жи-ла! Вы-жи-ла! И вопреки всему станет счастливой!

Левицкий молчал, вгрызаясь в меня мрачающим взглядом. Я видела, как напряглись вены на его сжатых кулаках. Он побледнел, хищно следя за каждым моим движением.

— В прошлой жизни? — не унималась Нелли. — Паш, ну-ка объясни, — рассмеялась она, неудачно пытаясь замаскировать тревогу.

— Мы с Машей работали вместе. — На лице моего бывшего мужа — увы, я никогда не считала наш брак фиктивным, — проступили красные пятна. — Она была моей... моей помощницей.

Помощницей.

Он так пристально смотрел, будто не верил своим глазам. Не на нее смотрел, на меня. Кажется, за все это время на свою невесту он не посмотрел ни разу...

Неожиданно на губах Левицкого промелькнула та самая, как мне казалось, особенная улыбка, которую он дарил мне в особо интимные моменты нашей близости.

Мне стало тошно.

Сейчас эта улыбка выглядела как насмешка. Хлесткая пощечина по моим оголенным нервам. Горло перехватило — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Разум метался в поисках выхода. С высоко поднятой головой, расправленными плечами я держалась из последних сил.

— Работали вместе? Ничего себе! И долго вы... работали вместе? — беспардонно вываливала вопросы Нелли.

— Нель, у меня мало времени. Дома пообщаемся, — сухо отрезал ее жених, бросив беглый взгляд на часы.

— Да-да, я уже обрисовала Маше наши пожелания. Мы бы хотели начать подготовку как можно скорее! — просияла Нелли, обнимая моего бывшего мужа за талию.

Я инстинктивно опустила взгляд на ее живот, однако он выглядел абсолютно плоским. Хотя у меня месяцев до ше-

сти вообще не было живота, и даже на девятом под кофтами-оверсайз он был не особо заметен. Прибавка оказалась всего-ничего, доченька родилась миниатюрной — весом два восемьсот.

Левицкий опустил голову, уставившись в пол.

Неужели он умышленно выбрал наше агентство? Но что этим поступком он хотел мне доказать? Нет. Судя по шоку, проступившему на его лице в первые секунды, было похоже на совпадение. Жестокое. Вопиюще несправедливое. Страшное совпадение.

Свадебное агентство Каролины Кросс входило в тройку самых популярных и востребованных агентств Москвы. А после того, как моя работодательница стала пачками организовывать заграничные церемонии, вполне логично, что невеста Левицкого обратилась именно к нам.

Я вздрогнула от хлопка входной двери.

— Добрый вечер! — приветливо улыбаясь, в кабинет зашел Мурат.

Мой ухажер был высоким брюнетом атлетического телосложения. Он облачился в черные джинсы и белую футболку-поло, под которой бугрились литые мышцы.

Уверенно протягивая Левицкому руку, Мурат тихо спросил:

— Маш, ты готова?

POV Павел Левицкий

Прибавив газу, я перестроился, внимательно слушая своего помощника по телефону. И то, что я слышал, мне ой как не нравилось...

Последние полтора года компания терпела серьезные убытки. Виной тому серия ложных инвестиций, сделанных Милковым якобы от моего имени. Благотворительный фонд также не пополнялся, и большинство благотворительных программ теперь стояли на паузе. Если срочно что-то не предпринять, предприятию грозил финансовый крах, который открыл бы возможности для перекупа другими сильными игроками рынка. Каким бы ни было мое отношение к отцу, крах семейного бизнеса означал сокращение нескольких тысяч человек, что совершенно не входило в мои планы.

— Степ, пришли тогда полный отчет. Ознакомлюсь и сразу тебе наберу. — Я снизил скорость, почувствовав на себе осуждающе-обиженный взгляд Нелли.

В общем-то, ее можно было понять — после возвращения в Москву она почти меня не видела. Я разрывался между многочисленными подразделениями предприятия, охреневая от накопившегося вороха проблем. Милков развалил все, что только можно было развалить, но сделал это так, что не подкапaeшь. Филигранная работа. Умный мудака. Браво.

Тюнинг-центр тоже, ожидаемо, терпел убытки. Не так критично, как положение промышленной компании, но приятного мало, ведь это место всегда было моей отдушиной. Именно там я познакомился... Черт. Неважно.

До сих пор не мог привыкнуть, что *ее* нет в приемной. И не только там.

Нет в городе.

Нет в стране.

Она предпочла укатить на другой край земли, лишь бы только не дышать со мной одним воздухом. Что ж... Это заслуживало восхищения.

Кроме того, я знал от своего юриста, что Маша так ничего от меня и не приняла, а ее бабка несколько недель назад съехала с квартиры, что тоже наталкивало на определенные мысли.

— Па-а-а-аш... — обиженно протянула Нелли.

Я резко моргнул, «включаясь» в разговор.

— Извини, голова взрывается... Столько всего нужно сделать. — Я прищурился, осматриваясь на незнакомом пятачке, напичканном офисными зданиями. — Я думал, мы собираемся поужинать?

— Да, конечно. — Нелли улыбнулась. — Но сперва нужно заглянуть в агентство по организации свадеб. Мне с таким трудом удалось выбить для нас летнюю дату у них! Нужно скорее подписать договор, а то останемся без свадьбы...

— Агентство по организации свадеб? — Я откинулся на сиденье, не скрывая раздражения в голосе. — Зачем? Мы же планировали только распись?

Я поморщился, стопоря себя, чтобы вновь мысленно не унести в воспоминания. Я не собирался проходить все это

снова. Организация свадьбы. Пафосная церемония с толпой ненужных людей вокруг. И полный пиздец по итогу.

— Паш, ты ведь согласился... — Нелли закусила подрагивающую губу.

Я нахмурился. Согласился?

— Мы обсуждали это пару дней назад перед сном, и ты был не против передать подготовку профессионалам. А это агентство отличается нестандартным подходом к свадебным церемониям! И сегодня на мое сообщение ты ответил согласием! — добавила она, лихорадочно выискивая что-то в своем мобильном. — Вот. Смотри. — Нелли открыла переписку, доказывая свою правоту.

Полагаю, не следовало признаваться ей, что я был так занят на производстве, что даже не полностью прочитал ее сообщение и ответил лишь на последний вопрос... Романтик хренов.

Я сосредоточился на грустном лице своей невесты.

— Поверь, это будет не стандартная пафосно-пошлая церемония. Я... я... — Нелли вцепилась пальцами в ручки сумки. — Я придумала для нас нечто особенное... незабываемое... — еле слышно пробормотала она и, шмыгнув носом, потянулась к салфеткам. — История о том, как два израненных сердца нашли свой путь друг к другу... Конечно, я знаю, у тебя ведь уже была одна свадьба...

— Ты прекрасно знаешь, что она была фиктивной, — резко ответил я, не желая посвящать Нелли в подробности.

Она была не в курсе моей семейной трагедии, полагая, что я слетел с катушек из-за смерти отца. В будущем я планировал ей открыться, но сейчас внутренне ощущал, что это время еще не пришло. Ну а Маша — это запретная территория моих несбывшихся мечт. Не подходи — убьет. Поэтому я и не впускал туда никого.

Проще было сказать, что наши отношения носили фиктивный характер, чем выворачивать перед Нелли душу.

— Если ты передумал на мне жениться, так и скажи... — прохрипела она, снова закусывая губу.

Я почувствовал себя оленем в свете автомобильных фар, неожиданно вспомнив, из-за чего Нелли угодила в рехаб — несколько лет назад накануне свадьбы ее бросил жених. Разумеется, она мечтала о свадебной церемонии со всеми вытекающими...

Подавив вздох, я постарался, чтобы голос прозвучал как можно мягче:

— Только сразу говорю — никаких пьянок с медведями и тамадой. — Я примирительно улыбнулся, в глубине души испытав легкое разочарование.

Вспомнилось, как эта жизнерадостная яркая блондинка несколько недель назад на песчаном побережье уверяла меня, что все материальное — тлен, а свадьба — пустая трата времени и денег. В ней таким потрясающим образом переплеталась прогрессивность взглядов и высокая духовность, что меня зацепило. Однако после того, как я предложил

Нелли узаконить отношения, она довольно быстро поменяла свое мнение относительно свадьбы.

Что ж...

— Паш! Ну какие пьянки с медведями? — выдала она с видом оскорбленного достоинства, пихнув меня локтем в бок, — А тамада — это такая пошлость! Ты даже не представляешь, что я для нас придумала... Это будет незабываемо... — прошептала Нелли с придыханием. Ее голубые глаза вновь засияли.

— Только давай сразу договоримся, что это будет небольшой праздник? С моей стороны почти не будет гостей.

— Конечно! Мы позовем только самых близких! — энергично закивала она. — Даже не сомневайся. Предлагаю познакомиться с нашим свадебным организатором, а дальше я полностью возьму все в свои руки! Вообще не буду тебя дергать.

— Договорились, — кивнул я, ощущая вибрацию телефона в кармане. На автомате принял входящий вызов от помощника и повернул голову, бездумно разглядывая подъехавший белоснежный «Порше». — Да, Степ?

— Паш, ну пойдем! — Нелли скорчила нетерпеливую гримасу.

— Иди! Я сейчас подойду.

— С утра до ночи же работаешь... — недовольно вздохнула она. — Первый этаж, десятый офис.

С трудом выслушав новую порцию вскрывшихся на пред-

приятии проблем, я все-таки заставил себя вылезти из тачки. Довольно быстро отыскав нужный кабинет, я открыл дверь и отвесил дежурное:

— Прошу прощения. Мне пришлось задержаться...

А потом поднял голову и оцепенел. Изображение куда-то поплыло. Несколько мгновений я стоял, не дыша и не моргая.

— Маша?

Я напрягся всем телом и перевел взгляд в каком-то мазохистском порыве, желая обнаружить кольцо на ее безымянном пальчике. То самое кольцо, которое попало мне на фотографии в ее профиле. И... не увидел. Не было кольца!

На секунду зажмурившись, я почувствовал отголоски пульса где-то в глотке. До меня наконец начало доходить...

Я поднял голову и встретился с ней взглядом, и мое сердце... У меня было такое чувство, словно кто-то сжал его в кулаке. От одного взгляда Маши я оказался в безвоздушном пространстве.

«Пока смерть не разлучит нас...» — вот о чем я думал, когда наблюдал из окна, как охранник провожает эту сильную-хрупкую девушку до автомобиля. Расстаться помягче? Подстелить соломки? Я не хотел, чтобы Маша тратила себя, пытаясь до меня достучаться. Скажу больше — услышав этот стук от друзей, я намеренно поплотнее закрыл дверь.

В тот день тридцать первого декабря я умер для Маши и долгие месяцы представлял собой смрадный разлагавшийся

труп. Я умер и для своих друзей. Для себя. Тогда казалось, так проще и легче — умереть для всех.

И приехал на Тибет я не в поисках помощи, а скорее, чтобы доказать — моей кукухе уже ничто не поможет. Улетела с концами. Я не знал, когда вернусь и вернусь ли вообще. Это был тупик.

Правда, оказалось, я гораздо сильнее и выносливее, чем сам о себе думал. Но сейчас не об этом.

Я смотрел на нее, и у меня горели легкие, а в висках билось одно-единственное слово: «поздно».

Слишком поздно.

Возможно, она и была той единственной... Я до сих пор уверен, если любишь по-настоящему, должен выбирать самое лучшее для любимого человека.

Бывший нарк и псих, — а психов, как известно, бывших не бывает, — вряд ли то, чего заслуживает молодая, чистая девчонка. Поэтому у меня не осталось другого варианта, кроме как наблюдать за ее жизнью со стороны.

Мой наставник говорил: «Борьба бывает на войне, но никак не в любви. Эмоции и чувства другого человека — храм. В него нужно входить, зная все правила. А если уж наследил там...»

Мне бесконечно стыдно за каждую слезу, что Машенька пустила из-за меня.

Я смотрел в распахнутые от изумления глаза моей нежной Мышки, надеясь, что когда-нибудь смогу взглянуть в них без

стыда. Пусть и никогда не прощу себя за это. Потому что и она меня не простит — я прочитал это по Машиному лицу.

«Паши, ты не оценил дар, который получил: чистую искреннюю любовь и доверие».

Да, Маша, не оценил... Я предпочел вариться в своем личном аду. Прости меня.

Слишком поздно.

Я вынужден был признать — шоковая терапия сработала. Картинки из соц.сетей не передавали и половины того, что я имел счастье лицезреть всего в паре метров от себя. Я с трудом мог дышать, сраженный наповал той, что когда-то была моей. Принадлежала мне.

Она выглядела охуенно. Красивая. Загорелая. Ее волосы отрасли и стали гораздо темнее. Насыщенного шоколадного оттенка, оттеняя бездонные глаза. Маша облизала покрытые персиковым блеском губы, и я почувствовал, сука, то, чего не должен был чувствовать...

Обтягивающее кремовое платье подчеркивало все ее сексуальные изгибы. Особенно сиськи. В декольте можно было жить... И единственное желание, которое это долбаное платье вызывало — поскорее его содрать.

Для кого так нарядилась, Мышка?

Мое животное начало рядом с этой девчонкой отказывалось повиноваться. Током по венам, разряд за разрядом несло нечто первобытное... Сильнее, чем желание. Гормональный торнадо. Просыпался зверь в гоне.

Раньше я списывал это на некую Машину диковинность — смешные очки, нелепые наряды. Но теперь, глядя на яркую фигуристую красотку, понял — во что бы Мышка ни облачилась — все одно. Мой радар безошибочно на нее срабатывал. Да так, что все датчики моментально выходили из строя.

Я инстинктивно сделал шаг, чтобы оказаться еще ближе. Чувство было такое, будто ступаю по лезвию бритвы, не в силах отвести от нее глаз... Я смотрел и смотрел на Машу с комом в горле, и тонны воспоминаний коршунами кружились в моей больной голове.

Ощущения в груди настолько меня потрясли, что я отчаянно пытался придумать им хоть какие-то объяснения. Похабные. Низменные. Тупые. Хоть как-то замаскировать эти давно похороненные чувства, рвущие душу на части.

Потому что мое прошлое встретилось с моим настоящим. Лобовое столкновение. Мотор всмятку и искры из глаз.

Когда казалось, что вместо сердца давно искусственный орган, выяснилось, что-то еще барахтается. Только внутренний голос насмешливо: слишком поздно...

— Вы знакомы? — отрезвляющей пощечиной донесся до меня голос Нелли.

Я сжал челюсти, не в силах на нее посмотреть. Не мог. Не сейчас.

— Были знакомы в прошлой жизни... — Маша улыбнулась, глядя мне прямо в глаза.

Я прекрасно понял, что означает ее улыбка. Она смотрела на меня, как на пустое место.

Шах и мат тебе, Павел Левицкий. Хотел умереть? Ты убит. А я жива и счастлива. Без тебя.

Маша ткнула меня мордой в мое же дерьмо.

— В прошлой жизни? Паш, ну-ка объясни, — совершенно не к месту рассмеялась моя невеста. Ее насмешливый голос казался мне белым шумом.

Больше всего на свете мне хотелось сжать Машу в своих объятиях... Сжать и не отпускать. Абсурдно. Неправильно. Дико. Безумно. Заполнить легкие ее запахом. Но...

Слишком поздно.

— Мы с Машей работали вместе. — Я сделал паузу, практически не различая собственных слов из-за гула крови в ушах. — *Она была моей...*

Уловив горестный вздох Нелли, я с трудом договорил:

— Моей помощницей...

Я стиснул зубы, чтобы не позволить правде вырваться наружу. Позже. Сейчас мне необходимо было украсть побольше этого необыкновенного видения, ведь я догадывался, что оно рассеется так же быстро, как и появилось.

— Работали вместе? Ничего себе! И долго вы работали вместе? — Нелли пулеметной очередью сыпала вопросами.

— Нель, у меня мало времени. Дома пообщаемся, — пробормотал я, не сумев скрыть ноток раздражения в голосе.

— Да-да, я уже обрисовала Маше наши пожелания. Мы

бы хотели начать подготовку как можно скорее! — Нелли обняла меня, и ее рука на моей талии напоминала отрезвляющий ушат ледяной воды.

Я опустил голову, почувствовав удушье. Сердце разрывалось на части. Я давно ее отпустил, но, как это ни прискорбно, продолжал оставаться сторонним наблюдателем. И даже в самых страшных кошмарах не мог представить подобного...

Маша будет нашим свадебным организатором? Почему так жестоко?

Поблизости хлопнула дверь.

— Добрый вечер.

В кабинет вошел мужик, который несколько минут назад припарковался рядом со мной на белом «Порше». По-своему протягивая мне руку, этот загорелый хер обратился к моей бывшей жене:

— Маш, ты готова?

На автомате пожав его крепкую ладонь, я словно в замедленной съемке наблюдал, с какой нежностью и теплотой Машенька ему улыбнулась.

— Готова, — проворковала она, поравнявшись со своим ухажером. — Мы уже закончили.

Бросив в меня прощальный взгляд, равный удару током, она взяла своего мужика под руку и уверенной походкой, виляя соблазнительными бедрами, выпорхнула из кабинета.

Слишком поздно.

Я засунул руки в карманы брюк, чтобы Нелли не увидела, что сжатые кулаки. Маша уходила с ним. Собственно, все, как я хотел. Вот только с головой окунаясь в эту новую реальность, я вдруг почувствовал, что захлебываюсь.

Забавно. Я боялся приблизиться к ней на пушечный выстрел, но внезапно оказался преступно близко, в шаге от того, чтобы преступить черту...

— Паш, а ты ничего объяснить мне не хочешь? — произнесла Нелли плаксиво.

Я сделал глубокий вдох и попытался успокоить нервы, потому что был близок к тому, чтобы взорваться. И, черт возьми, эти эмоции совершенно не входили в мои планы. Я не хотел это чувствовать!

— Мы вроде собирались поужинать? — напомнил, в надежде выиграть время.

— Да, но... — Нелли нервно рассмеялась. — Ты прав, лучше продолжить этот разговор в более приватной обстановке, — неожиданно согласилась она.

Путь до ресторана прошел в гробовой тишине. Нелли демонстративно отвернулась к окну. Я же старался хоть немного сосредоточиться на дороге, ибо мысли мои находились далеко за пределами салона авто.

— У вас с ней что-то было?

Таков был первый вопрос, слетевший с губ Нелли после того, как мы сделали заказ и наконец остались наедине в дальней части ресторана.

— Было, — маловыразительно подтвердил я.

— Что именно? — Нелли поджала губу.

— Все.

Некоторое время Нелли молчала, уткнувшись в телефон, пока я безрезультатно пытался избавиться от этой давящей боли в груди. Сам не понимал, что именно меня так потрясло: то, как Маша расцвела за эти годы, превратившись в уверенную красавицу, или то, как холодно и равнодушно она отреагировала на нашу встречу?

Где ты этому научилась, Мышка?

— Это она! Она! — вдруг воскликнула Нелли, протягивая мне телефон.

Все мышцы на теле словно одеревенели.

— Я так и знала!!! — запричитала Нелли. — Я как чувствовала! Лицо у нее такое знакомое... Я ведь видела ваши фотографии... Я... я... — Она зашмыгала носом, вероятно, пытаясь остановить подступающие слезы. Да что за идиотия?

— Нель...

К нам подошел официант с напитками, однако Нелли, похоже, не было до него никакого дела.

— Она была твоей женой! И ты... Ты ничего мне не сказал?!

— А что я должен был тебе сказать? Ты была в курсе о моем фиктивном браке, — напомнил я.

Разумеется, во время жизни на Гоа мы затрагивали и эту тему, но без подробностей. Нелли тоже многое рассказывала

мне о своем прошлом.

— Но ты говорил, что ваш брак был фиктивным? — переспросила она, заламывая руки.

— Сперва да, — вздохнул я, надеясь хоть на какое-то понимание. Где ее хваленая женская мудрость, черт возьми? Неужели это была разовая акция?

— Почему ты перед ней выставил меня полной идиоткой?!

Я ощутил ее прожигающий взгляд.

— Нель, наша история с Машей в далеком прошлом...

Хотелось бы верить.

— С Ма-а-ашей... — передразнив меня, Нелли всхлинула, чем подняла во мне новую волну раздражения своими слезами.

— Мы ведь обсуждали все это в Индии? Разве нет?!

Она вопросительно вскинула бровь.

— Прошрое в прошлом. Настало время заменить старые воспоминания новыми впечатлениями... вместе, — с горечью напомнил я о наших уговорах.

— Да, но ты меня обманул! — истерично выпалила она, промокая уголки глаз салфеткой.

Я смотрел на нее и непрестанно спрашивал сам себя: «Куда делась та уверенная, жизнерадостная женщина, рядом с которой я почувствовал такой долгожданный душевный покой?»

Сначала мне вообще показалось, что наша встреча с Нел-

ли не случайна. Что я встретил того самого человека, который поможет мне поддерживать обновленную версию себя, с которой я познакомился в горах Тибета.

В какой-то момент я осознал, что ощущения комфорта вполне достаточно. Гармония и спокойствие. Предсказуемость. Жить головой, а не сердцем, контролируя «излишки чувств».

«Я не любил ее, мне было хорошо — ни одиночества с ней не было, ни скуки...» — как в песне.

С Нелли все было ровно. Кроме того, я видел в ней источник силы и мотивации.

Она убеждала меня, как важно создать крепкую семью и завести потомство. Наставник ведь тоже сказал — ребенок будет ключом к моему окончательному выздоровлению. И благодаря уверенности Нелли, с каждым днем эти мысли лишь сильнее крепили в моей голове. Потому я сейчас и не узнавал ту, которая сидела напротив, заламывая руки.

Я впервые видел Нелли такой, и то, что я видел, к сожалению, вызывало во мне ворох противоречивых эмоций. Неужели одна встреча с моей бывшей выбила ее из равновесия?

— Почему ты сразу не сказал, что она — твоя бывшая жена? — никак не унималась Нелли. — Тогда я бы не выглядела такой душой!

— Возможно, потому что мы взрослые люди и, предположительно, способны обходиться без лишних драм? — спо-

койно парировал я, делая глоток чая.

— Хочешь сказать, я развожу лишние драмы? — От ее резкого смеха мне стало не по себе.

Проигнорировав его, я смерил Нелли говорящим взглядом. За последнюю неделю я спал не больше пятнадцати часов, голова пухла от многочисленных проблем, связанных с семейным бизнесом, и прилюдная истерика — последнее, что мне было нужно.

— Отмалчиваешься? — Она чуть склонила голову. — Паш, ты реально не видишь ничего необычного в том, что твоя бывшая жена будет организовывать нашу свадьбу?

Бывшая жена.

Наша свадьба.

— Полагаю, с этической точки зрения будет правильнее обратиться в другое агентство, — я вздохнул, не обращая внимания на сквозную дыру в груди. Но, сука, как же было больно...

Разумеется, все это казалось какой-то дикостью, я не собирался общаться с Машей в подобном контексте. Я с равнодушным видом разговаривал с Нелли, а у самого от осознания абсурдности ситуации внутри все адским пламенем полыхало. Мозг взрывался. Просто мрак.

— В другое агентство? — Нелли поморщилась и выдала уже гораздо спокойнее: — Понимаешь... перед тем, как обратиться к Кросс, я связалась с представителями трех еще более популярных агентств, и самые ранние даты, которые

они предложили — это начало следующего года! Представляешь?

— Ну и что? Будет больше времени подготовиться, — пожал я плечами.

— Нет уж! Кросс пообещала подобрать нам дату в конце августа! Я просто попрошу другого организатора, — произнесла Нелли, устремляя на меня блестящие от слез глаза. — У вас ведь с этой... этой Машей, правда, *все*?

Кивнув, я стиснул зубы, вдруг отчетливо осознав потребность обсудить сложившуюся ситуацию с Мышкой...

POV Мария Мышкина

— Машенька, ты такая бледная... Часом не заболела? — поинтересовалась бабушка, наблюдая, как я монотонно гоняю кусочек огурца по тарелке с салатом.

— Все в порядке. Скоро свадьба, к которой мы готовились более полугода. Это мой первый масштабный проект — несколько сотен гостей... Волнительно, — пробубнила я, стараясь, чтобы выглядело правдоподобно.

— Все получится, дорогая, — с воодушевлением заключила ба, ее голос излучал теплоту. — Я в тебя верю!

После моего возвращения в Россию бабушка полностью изменила свое поведение. Больше никакого агрессивного навязывания собственного мнения. Она вообще теперь ничего мне не советовала, наоборот, сама частенько обращалась за помощью. Признала наконец, что я взрослая самостоятель-

ная женщина и в состоянии позаботиться не только о себе, но и о ней.

На время приезда в Москву я сняла двухкомнатную квартиру-студию в центре. Бабушка спала в гостиной, совмещенной с кухней, а мы с Полькой заняли большую двуспальную кровать в спальне.

Мне так и не удалось наладить отдельный сон. Куда там! Я до сих пор никак не могла завершить грудное вскармливание, не решаясь оборвать эту особую эмоциональную связь матери и ребенка.

— Машенька, а ты почему так рано домой вернулась? Я думала, вы с Муратом куда-то собирались? Я бы сама уложила Полю... — со смущением добавила она.

Мой взгляд метнулся к дочери.

Полина жевала дольку яблока, внимательно следя за Нюшенькой из мультфильма «Малышарики». Ее большие серые глаза с пушистыми ресницами были наполнены такой взрослой серьезностью, будто в свои неполные два года она уже переросла все эти малышковые передачи.

Непроизвольно улыбнувшись, я в очередной раз залюбовалась своим ребенком. Легкие каштановые кудри. Умилительные ямочки на пухлых щеках. Маленькая принцесса. Невероятно ласковая и нежная. Красота Поли шла изнутри. Она проявлялась во взгляде, выражении лица и детской непосредственности.

— Маш?

Прокашлявшись, я ответила:

— У Мурата появились дела. Ничего страшного, еще будет возможность вместе поужинать.

На самом деле, оказавшись с Муратом наедине, я поняла, что морально не выведу предстоящий ужин. Вся моя энергия израсходовалась во время случайной встречи с человеком из прошлого. Единственное, чего я желала — вернуться домой. К дочке. Именно она была моей солнечной батареей, подзаряжая даже в самый хмурый день.

— Жаль, что не получилось, — посетовала ба, наливая мне в кружку черный чай. — Такой интересный и обходительный мужчина... И с Полюшкой сразу нашел общий язык!

— Не поспоришь.

Мурату было тридцать два года. За плечами неудачный брак, в котором у него родился сын. Возможно, похожий прошлый опыт и подтолкнул нас к общению. Меня подкупило, что Мурат, несмотря на болезненный развод, обожал своего четырехлетнего сына и посвящал ему много времени.

Как-то раз мы случайно встретили Мурата с сыном в парке, и я познакомила их с Полькой. Вскоре Мурат пригласил нас с дочерью в кафе, где мы отлично провели время. А на прошлой неделе мы уже успели исследовать новое заведение для семейного отдыха в Москве.

Я вновь задержала взгляд на лице дочери, стараясь не думать о том, как же *они* похожи. Вообще не думать о нашей

встрече. Ведь, прокручивая на репите каждую секунду этой жесточайшей пытки, меня будто травили кислотой изнутри, медленно расщепляя внутренние органы.

— Полюшка, мишка зовет тебя играть! — ба поманила Полинку игрушкой, подаренной Муратом, однако та продолжила с сосредоточенным видом следить за танцем Крошика.

— Она не особо любит этого мишку, — тихо напомнила я. — Лучше предложи ей пораскрашивать новыми фломастерами?

— Да, так и сделаю. И Маш, напомни, когда вы записаны к неврологу? — поинтересовалась бабушка, опуская взгляд.

Я шепотом произнесла:

— В эту пятницу. Будут проводить какой-то тест, выявляющий аутоиммунные заболевания на ранних стадиях. Но я уверена, что с Полей все в порядке. Скоро она обязательно заговорит.

— Я тоже так думаю. Только вот... ты у нас уже в год болтала предложениями, а Полюшка до сих пор молчит, как рыбка... — бабушка тяжело вздохнула.

Я с трудом сдержалась, чтобы тоже не вздохнуть. Потому что еще ни разу я не услышала от доченьки такого важного и необходимого мне слова «мама».

При этом Полина абсолютно все понимала и была крайне смысленной девчушкой, однако никак не хотела пользоваться своей речью, ограничиваясь лишь жестами, мимикой или звукоподражанием.

После ужина я впервые за долгое время отключила телефон. Хватит с меня общения на сегодня. Укладывая Полину в кровать, я читала ей сказку про цыпленка, который потерял голос, и тем самым пыталась объяснить доченьке, как важно разговаривать.

*— Голос громкий или тихий,
Голос может быть любой,
Только важно, чтобы голос,
Был не чей-нибудь, а свой!*

Я погладила дочь по волосам.

— Слышишь, милая? Я так мечтаю услышать твой голос... Я так тебя люблю...

Полюшка лучисто улыбнулась, утыкаясь мне в щеку губами. Какое-то время мы так и лежали, крепко обнявшись, а потом незаметно уснули.

Я проснулась посреди ночи от того, что Полина плачет навзрыд, вцепившись мне в футболку своими маленькими ладошками.

— Поля! Полюшка... Что случилось? — прижав дочку к груди, я включила ночник, вглядываясь в ее испуганное заплаканное лицо.

Полина, как обычно, молчала, только смотрела на меня так... странно... Что-то новое, абсолютно осознанное и пугающее появилось в ее детском взгляде.

— Полюшка, ты видела кошмарный сон, да? — пробормотала я опустошенно.

После небольшой паузы дочка быстро покачала головой.

Чтобы хоть как-то успокоить ее, я взяла с тумбочки мишку и протянула ей. Однако Полина с такой злобой швырнула его на пол, что мне стало не по себе. Нахмурившись, она отвернулась от меня и натянула одеяло до подбородка. По тому, как содрогалась ее спинка, я поняла, дочка снова тихонько плачет...

Первая половина рабочего дня прошла как в тумане. Ночью мне так и не удалось выспаться из-за Полины, и теперь я чувствовала себя абсолютно разбитой. Бездумно перекладывая папки с эскизами для одной из невест, я покосилась на дверь, ожидая увидеть секретаря с очередной чашкой кофе. Почему так долго?

Я выдохнула, наконец услышав приближающиеся шаги в коридоре, и снова взглянула на свои эскизы. Дверь хлопнула. Я подняла голову и... с трудом перевела дыхание. На пороге моего кабинета стоял Левицкий.

Хрясь. Огромным таким булыжником по сердцу. Слишком неожиданно. И слишком больно.

Сколько можно меня мучить?

— Маш, прошу прощения, что я без предупреждения. — Он сделал шаг к моему столу. — И без записи, — попытка пошутить, но мимо, так как голос моментально выдал его волнение, — Поговорим? — попросил почти беззвучно..

Я вцепилась пальцами в крышку ноутбука, чувствуя себя так, будто меня выбросило на скалы во время шторма. Когда чудом удалось выжить, но чтобы добраться до берега, необходимо вновь нырнуть в эту опасную стихию...

— О чем нам разговаривать? — прошептала я, глядя на бывшего мужа, застывшего около моего стола.

Зачем?

Мы молча замерли. Хотя мне хотелось вскочить и расцарапать ему лицо, крича в голос. Это желание вызывало внутренний дискомфорт, потому что я бы предпочла не испытывать к Левицкому ни-че-го.

Уставившись на него, я снова подумала о нашей дочери. Такое поразительное сходство. И чем старше становилась Полинка, тем сильнее черты Левицкого бросались в глаза.

В глубине души меня терзало чувство вины, ведь я так и не рассказала ему о Полине. Я прекрасно понимала, что он имеет право знать... Я все понимала! Но... То самое пресловутое «но»...

Зачем ему теперь знать о дочери, если он собрался начать жизнь с чистого листа со своей красавицей-невестой Нелли? Что-то мне подсказывало, они не будут откладывать вопрос с детьми в долгий ящик...

— Так о чем ты собрался разговаривать? Твоя невеста еще не прислала подписанный договор, — ровно проговорила я, словно в замедленной съемке наблюдая, как Левицкий усаживается в кресло напротив меня.

Так близко. На расстоянии вытянутой руки.

— Она его и не пришлет. — Кожа огнем горела в том месте, где ее касался его пронизательный взгляд. — Я сам связался с Кросс и объяснил ситуацию. Мы не будем заключать договор с вашим агентством.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы осмыслить полученную информацию. Значит, это правда совпадение. Даже странно, что он решил избавить всех нас от участия в этом извращенном фарсе. Совсем не похоже на Левицкого. Помнится, когда-то он весьма равнодушно отреагировал на моральное насилие, направленное в мою сторону...

В кабине повисла гробовая тишина.

Я отчаянно ждала, когда он поднимется и уйдет, однако бывший муж будто прирос к месту, травя меня немигающим взглядом.

— Зачем ты пришел? — раздраженно выдохнула я, сетуя, что мое мнимое спокойствие разбивалось, как волны о песчаный берег.

— Где твоё кольцо? — почти беззвучно спросил «посетитель», слегка подаваясь вперед. Его глаза отсвечивали незнакомыми ранее эмоциями.

Я растерялась.

— Какое кольцо? — сама не знаю, зачем продолжала с ним разговаривать.

— Обручальное. Я видел кольцо на фотографии в твоих соц.сетях, — как ни в чем не бывало продолжал допрос он.

Я поняла, что он имеет в виду. Время от времени я выкладывала что-то, но до полноценных подписей так руки и не доходили. Фотографией кольца я поделилась после того, как организовала свою первую масштабную свадебную церемонию в прошлом году. Более сотни гостей. Потрясающей красоты залив на закате. Влюбленные до сумасшествия жених и невеста. Та свадьба стала для меня в некотором роде особенной, ведь я работала на ней не только как организатор, но и сама впервые проводила церемонию обмена клятвами.

— Какое тебе дело до моих социальных сетей? Кто ты такой, чтобы приходить сюда *«без записи»*, — я исковеркала его несмешную шутку, — и устраивать мне допрос? Или с утра уже успел чем-то закинуться? — Я ядовито рассмеялась, выдерживая его откровенно заинтересованный взгляд.

— Значит, ты не замужем?

— Замужем! — зло выплюнула я. — Доволен? — я стиснула кулаки. — А теперь проваливай или мне придется вызвать охрану!

— Я уйду, — Левицкий внезапно поднялся, — и обещаю, что больше тебя не побеспокою. Я и не хотел этого делать, Маш, — произнес он хрипло. — Но после вчерашнего... — он осекся. — Мне показалось, будет правильно, если мы все-таки объяснимся...

На его лице отразилось такое волнение, что я опешила. Потому что в сознании до сих пор жил образ уверенного, — я бы даже сказала, самоуверенного — мужика, убежденного

в собственной способности покупать все и всех.

— Ничего не выйдет! Какой смысл вспаривать старые ра-
ны? — прошептала я, с каждой секундой все больше убеж-
даясь, что не готова знакомить его с Полей.

Потому что не намерена каждую нашу неминуемую встре-
чу переживать вот это... Адскую, нечеловеческую боль, ко-
гда даже сделать вздох не получается — точно щелочь рас-
текается по горлу. А как представлю, что он будет забирать
ее вместе с Нелли... Или с их собственными детьми.

Эгоистично. Гадко. Неправильно. Не спорю.

Возможно, когда-нибудь, когда Полина сама спросит меня
о личности своего отца. Пока же... Нет никакого отца. Толь-
ко отвратительный предатель, разрушивший мою жизнь.

А может, и не спросит... Надеюсь, не спросит. Кто знает,
как сложатся наши отношения с Муратом? Я решила сегодня
же поужинать с ним и разрешить себе пойти дальше, гораздо
дальше...

Разговаривая с мужчиной из прошлого, я вдруг отчетливо
поняла, что меня тошнит от бескрайнего одиночества. Уста-
ла постоянно тянуть все на своих плечах. Все. Я больше не
хотела и не могла так жить. Нужно было срочно что-то ме-
нять.

Он ведь пошел дальше. Переступил через меня, сплю-
нул, отряхнулся и отправился дальше... Свадьбы гулять. С
неограниченными бюджетами....

— Я понимаю твою реакцию. Я сделал тебе очень боль-

но. Видит Бог, я никогда себе этого не прощу, поэтому даже не смею просить у тебя прощения, — серьезно и задумчиво произнес мой бывший муж, засунув руки в карманы брюк.

Я отрешенно покачала головой.

— Ты прав. Не прощу. Так что давай не будем отнимать друг у друга время. На днях я возвращаюсь в Турцию. Если Нелли желает сотрудничать именно с нашим агентством, подготовкой к вашей свадьбе займется очень ответственная сотрудница. Я могу полностью за нее...

— Маш! — закаленной сталью резанул воздух его голос. — Хватит! Мне самому херово... Ты даже не представляешь как. Наверное, это прозвучит дико, но я как никто понимаю твои чувства...

Согласна, звучало дико. Прийти ко мне сейчас и говорить *о чувствах*... Невероятно дико, отвратительно, лицемерно и жалко! Тошнотворно.

В душе поднялась ярость, готовая выплеснуться наружу разрушительным скандалом. Я с трудом сдержала эмоции, потому что он был недостоин видеть их.

— Уходи! — тяжело вытолкнула я, пытаюсь пережить очередную порцию собственного унижения.

Униженная — именно так я ощущала себя после очередной встречи с мистером «Просветленное Благородство»! Левицкому еще нимба над головой не хватало и белых крылышек за спиной.

Не оборачиваясь, мой бывший муж вышел за дверь.

Я слышала, как непрерывно вибрирует телефон в сумке, однако не нашла в себе сил взять его в руки. Представляю, сколько раз пыталась со мной связаться Каролина. Оказывается, она уже была в курсе нашей «ситуации».

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоить дыхание и настроиться на рабочий лад, но в горле словно ржавый гвоздь застрял. Я пыталась вдохнуть, но ни черта не выходило. «Комок» никуда не девался.

Меня накрыло необъяснимой тревогой, будто мой тщательно укрытый от посторонних глаз мирок вот-вот рухнет...

Я зажала уши ладонями, потому что в них зазвенел отчаянный детский плач. Вот такая странная реакция организма. Я все сильнее стискивала виски, но эти жуткие звуки никуда не исчезали. А потом...

— Маша... Машенька... Ты здесь! Ну слава богу!

Я распахнула глаза, уставившись на перепуганную бабушку.

— Вот у нашей Полюшки характерец! Все нервы мне с утра вытрепала! Еще ты не берешь трубку... Сведете бабу в могилу!

Бабушка удерживала заплаканную Полинку за ручку и, судя по изможденному выражению лица, собиралась рассказать мне что-то нехорошее... Да что ж за день такой?!

Холодный пот выступил на пояснице, когда до меня вдруг дошло, что Левицкий чуть лицом к лицу не столкнулся с По-

линой...

POV Павел Левицкий

Я вышел из здания бизнес-центра, застыв на крыльце. Полуденное солнце слепило глаза. Зажмурившись, какое-то время я так и стоял, не в силах пошевелиться, будто вся моя жизненная энергия вытекла на пол ее кабинета.

Этот разговор пронзил мне сердце. Я пытался успокоиться и как-то вернуть себе ясность мыслей, но ни хера не выходило. Ни-хе-ра.

Я не был уверен, что в таком состоянии способен сесть за руль, а потому не стал искушать судьбу и отправился в ближайший парк. Купил мороженое в ларьке и упал на лавку. Стараясь вновь вернуть себе спокойствие, я сосредоточился на пейзаже вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.